КРОКОДИЛ

— А что это у тебя наш председатель про церковные праздники выспрашивал?

— График сельхозработ составляет...

Рисунок Виталия **ГОРЯЕВА**

Сергей СМИРНОВ

Раздраконенный дракон

**Поправши
звание
«Добрые соседи»,
Решил Дракон
За горло взять
Медведя.
Но получил
под зад
такой пинок,
Что отпетел назад
без задних ног.
Пускай же
станет ясной
для Дракона
Мораль,
что
раздраконен он
законно!**

Владимир ИВАНОВИЧ

Не суйтесь!

Болит мое сердце, когда я читаю,
Как трудно приходится нынче Китаю.
Там «кормчий» открыл,
что полезно рабочим
Кормиться лишь изредка,
лишь между прочим.
Там «вождь» источает лучи мудрословья:
«Чем меньше еды,
тем железней здоровье!..»
Там людям голодным твердят:
«Вы богаты —
Читайте премудрого Мао цитаты!»

Там в треске цитатном, в «культурном»
разгуле
Давно революцию вспять повернули.
Там злобой разит от речей шовинистов,
Там крик хунвэйбинов и туп и неистов:
«Толстой? Пусть молчит! Не давать ему
слова!
Шекспир? Ни к чему! Знать не знаем
такого!
Да будут их вредные книги изъяты!
Читайте премудрого Мао цитаты!..»

И наши хлеб-соль, и цехов арматура,
И дружба, и кровь на полях Порт-Артура
Предательством попраны грязным
и грубым.
Ну, что тут сказать? Не свинья ли
под дубом?..
А если кто склонен к протесту,
к сомненью,—
Над ним Чжан Цзо-лин поднимается тенью,
И в братьев своих же стреляют солдаты:
«Читайте премудрого Мао цитаты!»

Нежданные вести приходят оттуда:
«Вниманье, вниманье! Сенсация! Чудо!
Слепой прикоснулся к цитатам — и сразу
Стал видеть (согласно его же рассказу).
Мы в будущем, судя по этому факту,
Цитатами сможем лечить катаракту.
Коль слепы вы или же подслеповаты,—
Читайте премудрого Мао цитаты!»

Но сослепу, видно, на наши заставы
«Божественный» Мао бросает оравы.
Мы вложим в ответ весь наш гнев
и всю силу:
Литым кулаком — по хавроньему рылу!
Не суйтесь, не лезьте! Здесь наша граница,
И дом наш священный надежно хранится.
Вы там, у себя, сумасбродством объяты,
«Читайте премудрого Мао цитаты!»

**Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН**

Западногерманский хунвэйбин.

**Рисунок
Н. ЛИСОГОРСКОГО**

Андрей ВНУКОВ

Ось на авось

В беседе с делегацией японской социалистической партии Мао Цзэ-дун предложил создать «в противовес СССР» ось Бонн — Пекин — Токио.

(Из газет.)

*Врагам страны моей нужны,—
Ни много и ни мало, —
И с той и с этой стороны
Все земли до Урала.
Попробуй, Русь пройди насквозь! —
Вот в этом суть вопроса.
Одна надежда — на авось,
На ось и на колеса...
Впервые «ось» была тогда,
Когда во время оно
С востока пёрла к нам орда,
А с запада — тевтоны.
Скрепить формально не пришлось
Ту «ось» магистру с ханом,
Но Русь скрепила эту «ось»
Мамаевым курганом...
Мы помним «ось» недавних дней:
Микадо — фюрер — дуче,
Лишь кол осиновый над ней
Забит в навозной куче...
Но снова слышен скрип и звон —
Знакомая картина:
Клепают «ось» тевтонский Бонн
И богдыхан Пекина.
С той «осью» снится им, небось,
Победы колесница.
Пусть, не надеясь на авось,
Проснутся, коли снится.
Ломались «оси» на Руси,
А те, кто лез доныне,
Болтались на одной оси...
Вернее, на осине.
И впредь колесам на оси
Катиться вниз с откоса...
Как говорили на Руси:
«А ну-кась на-кась вы-ку-си!»*

Такие вот колеса...

Владимир НАДЕИН,
специальный корреспондент Крокодила

ОТ РОГАТКИ ДО МИНОМЕТА

Дощатый нос мягко уткнулся в прибрежную гальку. Два худощавых, прокаленных солнцем лодочника бережно вынесли на сплетенных руках молодую китаянку. Смоляная, коротко стриженная голова безвольно запрокинута. Сквозь сведенные болью зубы, меж искусанных, запекшихся губ тяжко и отрывисто рвалось жаркое дыхание.

— Ничего,— ободряюще кивнула Валентина Николаевна.— Все будет в порядке. Вылечим вашу дочку.

Китайцы скорбно улыбались, часто кланяясь и что-то конфузливо бормоча.

— Они говорят, что не хотят утруждать высокочтимого советского доктора и готовы сами отнести девушку в больницу,— объяснил переводчик.

— Зачем нести? «Скорая» стоит наготове. Через каких-нибудь два часа будем в операционной. Объясните им, что у нас уже все готово, операция начнется немедленно... Что они говорят?

— Да так, лирика,— отозвался переводчик.— Говорят, сколько будет течь Уссури, столько будет жить в сердцах китайцев любовь к советским людям.

— Понятно. Но не будем терять времени. Поехали!

До сих пор главный врач Иманской центральной райбольницы Валентина Николаевна Фесенко помнит эту сложную операцию. У китаянки был прободной аппендицит, и запоздай помощь еще на час-другой — не миновать бы трагического исхода.

А через две недели на том же месте уссурийского берега иманские врачи провожали окрепшую, радостно смеявшуюся китаянку. Ничто в ней уже не напоминало ту иссохшую, искореженную болью страдалицу. Она даже хотела сесть за весла, но Валентина Николаевна предупредила: «Нельзя, могут разойтись швы». А счастливый отец, отвесив в сторону врача неисчислимое количество благодарственных поклонов, быстрыми гребками погнал лодку к левому берегу, где уже волновалась и шумела толпа односельчан, где радостно алели букеты гвоздики и порывы ветра туго надували транспаранты, славившие китайско-советскую дружбу.

Вскоре начались периодические еженедельные «нарушения» нашей границы. Но бдительный пограничник, внимательно рассмотрев в бинокль приближающуюся лодку, не тянулся к огнестрельному оружию. Он просто брал телефонную трубку и, не в силах согнать противоречащую уставу улыбку, весело докладывал:

— Товарищ старший лейтенант, снова везут благодарность.

Лодка причаливала к берегу, из нее выносили громадные охапки свежих, благоухающих цветов, и приветливые китайцы старательно и неумело выговаривали русские слова:

— Этё — доктой!.. Этё — солдат!..

И каждую неделю в кабинетах врачей, в помещениях заставы стояли свежие цветы с левого берега Уссури.

Таких историй, свидетельствующих о братской помощи советских людей китайским труженикам, великое множество. Но об этой я рассказал потому, что именно здесь и с теми же людьми связан один из первых случаев обстрела советской территории маоистскими провокаторами.

Обстрел произошел три года назад. И велся он тогда не из гаубиц и минометов, а из рогатки.

Да, из обыкновенной мальчишеской рогатки, сделанной, впрочем, не мальчишками и далеко не с ребяческими намерениями.

Вместе с группой сотрудников больницы Валентина Николаевна была приглашена пограничниками провести жаркий выходной день на берегу Уссури.

Так же мощно, как и раньше, текли воды обильной реки, так же гулко плескались в ее заводях сребробокие сазаны, тем же сочным изумрудом манили густые травы... Но теперь левый берег усеяли зловещие портреты: лысоватый старик с отечным лицом и холодными, злыми глазами угрюмо всматривался в заставу.

Странную, недобрую силу источали эти портреты! Китайские рыбаки и рисоводы, еще недавно дружески махавшие нам с того берега, вдруг както сгорбились, сникли, словно боясь повернуть лицо к стране, которая строила китайские заводы и спасала от смерти китайских детей.

И действительно, им, простым труженикам, было чего бояться.

В приграничной полосе появились крикливые и драчливые молодые люди. Они не пахали землю, не обрабатывали рис по колено в застойной воде, не тащили, изгибаясь от натуги, сети из щедрой Уссури.

Они выполняли важное идеологическое задание «великого кормчего», задание, которое, ввиду его сугубой политической ценности, ни в коем случае нельзя было поручать простым смертным.

Ярким днем, в точно определенное время, они строем выходили на возвышенные места берега и поворачивались спиной в нашу сторону. Звучал визгливый, истеричный вопль, будто нервная барышня внезапно увидела мышь. Это их предводитель, как правило, офицер, подавал команду.

Бравые приезжие молодцы по этой команде дружно скидывали портки, единодушно оголяя те части тела, которые испокон веков приспособлены для сидения, в крайнем случае — для битья, но уж, бесспорно, не для идеологических демонстраций.

Добросовестно отстояв таким образом когда полчаса, а когда и час, молодчики возвращали свои штаны в исходное положение и, хором отчитав всемогущие цитаты, отправлялись вкушать честно заработанную пищу.

Тут следует заметить, что в расположении наших застав обитают не только взрослые, морально устойчивые мужчины. Живут здесь и дети, члены семей офицеров и сверхсрочных военнослужащих. Понятно, что регулярное лицезрение хунвэйбиновских ягодиц вызывало среди них ассоциации, которые педагогика считает безусловно нежелательными.

Как пресечь хулиганство, не нарушая, естественно, китайского суверенитета?

— Предположим, что их идиотская пропаганда на нас подействовала, — предложил один из офицеров-пограничников.

На следующий день хунвэйбиновским ягодицам был на нашем берегу противопоставлен... портрет «великого кормчего». Странно, но, увидев перед своими, так сказать, глазами облик обожаемого Мао, молодчики погрустнели. Они с ходу сообразили, что непочтительные позы перед ликом «красного солнышка» грозят серьезными неприятностями. Но и профессию менять жаль! Ведь, что ни говорите, работа у них была необременительная, хорошо стимулируемая, и менять ее на тяжелый физический труд, который является уделом местного населения, у «застрельщиков революции» не было ни малейшего желания.

И тогда начались другие мерзопакостные действа, на которые столь изобретательны маоисты: групповое плевание в нашу сторону, синхронное отправление физиологических потребностей и прочие выходки, которые нынешним правителям Пекина угодно именовать пропагандой идей Мао Цзэ-дуна. (Отметим в скобках, что нередко все это делалось и против ветра не только в переносном, но и в самом что ни на есть прямом смысле слова.)

Вряд ли со временем фантазия хунвэйбинов истощилась. Скорее они просто перешли к следующей, заранее запланированной и еще более гнусной стадии провокаций. Именно в это время Валентину Николаевну, мирно сидевшую в лодке за удочками недалеко от нашего берега, обстреляли из рогаток гогочущие молодчики, пронесшиеся мимо на военном катере.

Неужели можно всерьез полагать, что родители или братья молодой китаянки, спасенной советским врачом, решили теперь, что бандитский камень лучше выражает их благодарность, чем охапки нежных цветов? Неужели кто-нибудь всерьез поверит басням маоистов о «стихийном выражении народного гнева»?

Нет, в такое верить, конечно, нельзя. Во всех этих гнусных вылазках чувствовалась властная рука опытного дирижера провокаций.

В красном уголке Н-ского погранотряда я видел полутораметровые дубины, вооружившись которыми маоисты провоцировали стычки с советскими пограничниками. На нескольких дубинах — запекшаяся кровь наших ребят, и лаконичные строки историй болезни документально подтверждают, что это увесистое дреколье использовалось маоистским отребьем отнюдь не в качестве прогулочной тросточки.

Но что больше всего поражает, когда рассматриваешь бандитский инвентарь,— это тщательность отделки изделий: ровный, тщательно обструганный ствол, аккуратная двуручная рукоять. Видно, не впопыхах снаряжались провокаторы, не хватали первую под руки подвернувшуюся палку. Скорее всего эти «пропагандистские аргументы» вытачивались из тщательно подобранной древесины в специальных мастерских.

Да, все шло по плану, по подлому, предательскому сценарию, тщательно и на несколько лет вперед разработанному Мао и компанией. Когда провокаторам показалось, что дубины и рогатки уже сказали свое слово, заговорили пушки.

И на том же месте на берегу Уссури, где несколько лет назад нетерпеливо пофыркивала «Скорая», ожидая молодую китаянку, теперь грозно взревела боевая машина, на которой отправился защищать родную землю от озверевших бандитов полковник Демократ Владимирович Леонов.

И в той же больнице, где несколько лет назад советские доктора спасли от смерти китайскую девушку, сидела, в горьком предчувствии сжав виски, врач-биохимик Евгения Ивановна Леонова...

Краснознаменный Тихоокеанский пограничный округ.

КАК МНЕ ПОВЕЗЛО!

Я, признаться, не люблю торжественности. А тут как раз пришлось посетить загс в связи с собственным бракосочетанием. А в этом учреждении, сами понимаете, без торжественности ни шагу. Так что струхнул я малость. Сижу в такси и коленкой о коленку дробь выбиваю. Невеста тоже взволнована до крайности: того и глядк стихами заговорит.

Чтобы разрядить обстановку, я как можно обыденнее сказал:

— Вот костюм вчера купил. Черный. По приглашению. Восемьдесят семь с полтиной отдал.

Невеста посмотрела на костюм и улыбнулась. Потом рассмеялась. Затем расхохоталась до слез.

Мои брюки сбоку от колена разошлись по шву, и сквозь образовавшуюся щель светилась моя нога, вся в пупырышках от страха.

— Приехали,— сказал шофер.— Уже загс.

Я отнял у невесты букет и, прикрыв им дыру на штанине, боком вошел в загс. Он был заполнен будущими мужьями и женами. Все они смотрели на меня с нескрываемым интересом. Одним прыжком я покрыл расстояние до ближайшего кресла и спрятал ногу под журнальный столик. Невеста, успевшая раздобыть огромную иглу, предназначенную для пришивания фаты к волосам, втянула в нее белую нитку. Содрогаясь от смеха, она нырнула под столик и принялась за ремонт. Дважды игла побывала в моей ноге, но я невозмутимо улыбался.

Назвали наши фамилии. Невеста откусила нитку и вылезла изпод столика. Я попытался осторожно отделиться от кресла, но не смог, так как оказался пришитым к нему. Пришлось сделать резкое движение. Нитка, так и не выполнив своей спасительной миссии, осталась на кресле. Из вновь образовавшейся щели на присутствующих нагло глянула моя по-весеннему белая нога. Нарядная сотрудница, встретившая нас в зале регистрации, вежливо хихикнула. Потом сказав: «Ой, не могу!» — басовито рассмеялась.

Так что мне повезло. Столь нелюбимая мною торжественность брачной процедуры была удачно торпедирована швейниками московской фабрики «Большевичка». Если бы они не подсунули мне с помощью торговой фирмы «Весна» (филиал № 3) костюм с брюками, простроченными на живую нитку, обстановка в загсе была бы сугубо официальной. А так, слава богу, обошлось без торжественности: словно я был не в загсе, а стоял в очереди за картошкой.

Спасибо вам, дорогие швейники! Выручили!

Э. ПОЛЯНСКИЙ

ПОЗДРАВИЛИ...

Дорогой Крокодил! Хочу откликнуться на заметку «Издалека долго...», помещенную в твоем седьмом номере. И вот почему.

Этот номер я вынула из почтового ящика 11 марта. А вместе с ним — открытку от моей московской приятельницы. В заметке шла речь о том, что письмо, посланное одним жителем города Усть-Кута, Иркутской области, другому жителю этого же города, шло 18 дней. А в открытке приятельница поздравляла меня с... Новым годом. Путешествовало это поздравление по Москве 73 дня.

Москва, конечно, побольше Усть-Кута, а стало быть, и обижаться мне вроде бы не на что. Тем более что, насколько я понимаю, этой новогодней открыткой Московский почтамт решил поздравить меня с 8 Марта. Но даже и в этом случае надо было работать хоть немножко оперативнее!

О. ШУМЯЦКАЯ, педагог
г. Москва.

Роковая тайна

Вы в нечистую силу не верите? Ну, тогда послушайте...

Случилось это в прошлом году. В жаркий августовский денек с Сахалина в далекий вояж, точнее, в Удмуртскую республику, отправились четыре тонны бумаги.

Доподлинно известно, что рулоны были погружены на теплоход «Азов». Известно и то, что «Азов» доставил бумагу в порт Николаевск-на-Амуре. А после этого все покрылось мраком неизвестности.

Работники Управления снабжения и сбыта Совета Министров Удмуртии, желая рассеять этот мрак, написали на Углегорский бумкомбинат:

«Отдайте нашу бумагу. Кровных 1 864 рубля за нее уплачено!»

Углегорцы спокойно ответили:

«За деньги спасибо. Бумагу отгрузили. А куда она делась — нас не касается. Ищите и обрящете».

Удмуртские снабженцы переключились на портовиков Николаевска-на-Амуре. Пишут, телеграфируют, просят, грозят. В ответ ни слова, ни вздоха. Молчат руководители порта. Не иначе, заворожены.

Ну разве тут могло обойтись без нечистой силы?..

Б. САВЕЛЬЕВ

— Что дают?
— Жилплощадь.
— А где?
— На другом заводе.

Рисунок А. ГРУНИНА

Дошел до ручки

Авторучка — это такой предмет, который, насосавшись чернил, должен писать. Авторучки бывают синие, зеленые, красные и другие. Бывают и такие, что пишут.

В ручке самое главное — это перышко. У пера, когда начинаешь писать с нажимом, отваливается одна половинка. Заменить перо просто, только пассатижи нужны.

Есть в ручке и такая трубка — капилляр называется. Она, когда засорится, чернила в ручку совсем не лезут. Мы их ртом пробовали продувать, и у Лешки, который дул первым, весь язык стал синим.

Есть еще резиновая деталь, вроде пипетки. Если она оторвется сразу, это даже лучше. Ее очень легко простой пипеткой для капель заменить.

Много всяких еще деталей есть, которые ломаются.

Я, когда писал все это карандашом, много думал о ручках. Еще я думал о том, о чем думают те люди, которые делают ручки, и почему их ругают. Может, они тоже думают о ручках, а скорее о чем-нибудь интересном: о хоккее, о футболе, о космосе... Ведь все время думать об авторучках — это как целый день в углу простоять: очень скучно.

Петя БУРЛАКОВ,
ученик 8-го класса

пос. Ираель,
Ухтинского района,
Коми АССР.

ИЗ ДЖАНКОЯ В ДЖАНКОЙ

Трем работникам Запорожского завода абразивных изделий, товарищам Поповой, Садовнику и Санатриеву, выпала удача попутешествовать по Крыму, не выходя из вагона.

Вот как это произошло.

Эти три товарища получили командировку в Керчь. Самым удобным поездом для них оказался поезд № 257 Днепропетровск — Симферополь, в составе которого был прямой керченский вагон.

— Извините, в этот вагон билетов уже нет,— сказали в билетной кассе.— Берите билет в феодосийский вагон.

— А нам не нужно в Феодосию,— хором сказали командированные.

— Сразу видно, что вы не знаете возможностей транспорта,— снисходительно ответили вокзальные люди.— Феодосийский вагон отцепят в Джанкое и прицепят к феодосийскому поезду. А потом вы сойдете на станции Владиславовка, откуда одна ветка — на Феодосию, другая — на Керчь. И пригородным поездом доберетесь до Керчи. А до Владиславовки спите себе спокойно.

Так и было сделано.

Утром проснулись три товарища.

— Владиславовка! Нам сходить.

А с перрона говорят:

— Это вовсе даже город Симферополь.

— Как!!

— А вот так. Запорожье не сообщило в Джанкой, что феодосийский вагон надо отцеплять, и его дотащили до конца, до самого Симферополя.

— Безобразие! — закричали обитатели вагона.

— Не безобразие, а ошибка,— уточнили симферопольские железнодорожники.— И мы тут ни при чем. Да вы не волнуйтесь. Через четыре часа в обратном направлении пойдет поезд Севастополь — Свердловск, и тоже через Джанкой. Мы вас к нему прицепим, а из Джанкоя и катите снова до вашей Владиславовки.

— С нас хватит! — сказали некоторые пассажиры злополучного вагона и поехали в Феодосию и Керчь на такси. А трое из Запорожья остались и поехали в своем вагоне в обратную сторону. И приехали снова в Джанкой.

— Слава богу! Вагон отцепили, сейчас его прицепят к поезду, что идет на Феодосию через Владиславовку. Там мы и вылезем.

— Нет, вылезайте сейчас,— сказали джанкойские железнодорожники.

— Так нам до Владиславовки!

— Мы получили из Симферополя телеграмму, чтобы ваш вагон отцепить. Мы и отцепили. А насчет прицепить ничего не приказано.

Трое горемык смогли уехать в Керчь только через 12 часов.

Сутки они потратили на то, чтобы дважды побывать в Джанкое и один раз — в Симферополе, что им даже и не снилось.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

СТАВЯТ ВОРОТА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Владимир КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

Коллектив-то здоровый...

Поздно ночью, когда примерным студентам снились дипломы с отличием, в общежитии Соколовско-Сарбайского индустриального техникума раздался грохот. Это вернулись из ресторана Паскалов, Чащинов и Бунтовая. Вскоре звон стекол возвестил о том, что собутыльники от экспериментов с горячительными напитками перешли к опытам по выставлению окон.

С наступлением темноты даже преподаватели не отваживаются появляться в общежитии. Разбушевавшиеся полуночники нападают на них с байковыми одеялами и устраивают «темные». В этом на горьком опыте мог убедиться новый, еще не обстрелянный преподаватель горной механики В. П. Волошин. Во время вечернего дежурства он услышал в одной из комнат надрывный стон гитары и пьяные выкрики.

— Откройте! — постучался Владимир Петрович.

Дверь тотчас распахнулась — и на преподавателя набросились с цветастым одеялом студенты Кривохвост и Варенко. Но в эту минуту подоспели директор техникума В. Я. Соловьева и мать Варенко. Ребята сообразили, что троих одним одеялом не укроешь, и отступили.

За оскорбление преподавателя Волошина Кривохвост и Варенко понесли тяжкое наказание: им была снижена отметка по поведению с «отлично» на «хорошо»..

...В коридоре техникума умывалась рыжая кошка. То ли она забрела случайно, то ли исполняла обязанности мышеловки. В данном случае это не имеет существенного значения. Но вот прозвучал звонок, и коридор заполнили студенты. Их лица светились эрудицией.

— Ах, боже мой! Это противоречит закону Фарадея...

— Но, с другой стороны, закон Ома гласит...

— Хотите, я покажу вам живые ионы? — спросил третьекурсник Гена Чирков и схватил кошку за хвост.

— Брось,— брезгливо сказал отличник Витя.— Это негигиенично.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Гена.

Он хватил животное учебником сопромата. Как известно, сопромат — тяжелый предмет. Из глаз кошки посыпались желаные ионы. Победитель затолкал кошку в раковину туалета и вымыл руки туалетным мылом «Медок».

— Косинус фи...— умолк на полуформуле отличник Витя.— Фи, какой ты дикарь, Генка! Противно на тебя смотреть.

— Противно смотреть! — хором сказали студенты и демонстративно отвернулись.

Да, в Соколовско-Сарбайском индустриальном техникуме наряду с цивилизованными студентами учатся дикари. Правда, их невозможно определить по внешности. Они носят шкуры из стопроцентного нейлона. Разговаривают тоже вполне современно:

— Организуем в нашей пещере коллоквиум на троих.

— Вчера я чертил синусоиду от забегаловки до общежития.

Просвещенных дикарей выдает другой язык — язык жестов с акцентом на кулаки. Так, два первокурсника, Миша Степкин и Володя Гуцол, открыли дискуссию из-за портрета известной киноактрисы. Для убедительности перешли на зубодробительный обмен мнений. К диспуту подключилось еще несколько любителей киноискусства. Спор окончился тем, что веским доводом уложили Мишу Степкина. Уложили надолго. В больницу.

Дирекция техникума испробовала все педагогические рецепты, изобретенные со времен Песталоцци и Жан Жака Руссо. В конце концов пришлось завести кондуит, в котором «галочкой» отмечается каждое нарушение. На крыльях шестой «галочки» неисправимые вылетают из техникума.

Милиция тоже не сидит сложа руки. Она воспитывает буянов сутками. От трех до пятнадцати.

В общем, как писали Крокодилу студенты этого техникума, против дебоширов и хулиганов использованы все средства. А толку мало. Осталась одна надежда — на печатное слово.

Встревоженный Крокодил срочно командировал в город Рудный своего корреспондента.

— Ребята у нас в основном хорошие,— сказала корреспонденту директор техникума В. Я. Соловьева.— Из тысячи двухсот студентов только тридцать мутят воду. На остальных грех жаловаться. Это сплоченный, здоровый коллектив.

Судя по благородному гневу письма студентов, они относятся к здоровому коллективу. Они дают трезвую оценку своим товарищам-дикарям. Пай-мальчики единодушно осуждают, возмущаются и даже порой до боли сжимают кулаки. Однако они не ударили пальцем о палец, чтобы одернуть и вразумить «дикарей». Они полагают, что этим не очень приятным делом должны заниматься преподаватели, милиция, наконец, Крокодил.

Все это корреспондент и хотел высказать авторам обличительного письма. Однако не пришлось: письмо было без подписей.

Поэтому привет здоровому коллективу!

г. Рудный,
Кустанайской области.

Валентин
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный
корреспондент
Крокодила

НЕБЛАГОДАРНАЯ

Средь стройных кипарисов и чинар на благодатном каспийском побережье, в цветущем городе Хачмасе жила девочка по имени Сурая. И были у нее родители. И сестры, и братья, и бабушка Стара.

Все было хорошо.

Но настало время, когда дом посетило горе: родители Сураи покинули живых и ушли туда, откуда нет обратного пути.

Семидесятилетней бабушке Старе было не под силу воспитывать внучат. Но, поскольку они жили в наши дни, о детях позаботились. Девочка Сурая, которой исполнилось восемь лет, вместе со старшей сестрой Земфирой стала учиться в Худатской школе-интернате.

Был в городе Хачмасе судья Агали Алекперов. И было у него два маленьких сына. Сидел он как-то у окошка дома, пил ароматный чай и наблюдал за игрой своих сыновей. И показалось ему, что их лица, ясные, как звезды в вечерний час, омрачила грусть. Тогда он громко сказал:

— Моим маленьким мальчикам нужна для игр сестра. Но, увы, у нас нет девочки. Горе мне, горе!

Это услышала некая женщина Гаджизалова. Она тотчас же прибежала к знакомой бабушке Старе.

— Нена Стара! Судья Алекперов хочет, чтобы с его маленькими мальчиками играла маленькая девочка. Отдай ему Сураю. Судья — большой человек, он сделает ее счастливой!

И бабушка Стара, желая внучке счастья, отправила ее к судье.

— Зачем это делать? — сказал Адамов, директор интерната, где училась Сурая. Но судья Алекперов, улыбаясь, как солнце после дождя, сказал ему:

— Успокой свое сердце, Алимирза. Я удочерю ее, она будет учиться в соседней школе вместе с моими луноликими сыновьями.

«Пусть будет»,— рассудил директор Адамов. И вычеркнул Сураю из школьных свитков.

А судья Алекперов, считая, что поспешность вредна поступкам, не торопился вести Сураю в школу. Когда его юные сыновья на уроках наполняли свои головы знаниями, в их доме раздавался голос, звучный, как агач-кумуз в руках умелого музыканта:

— Сурая, иди мыть полы! Девочке пристало заботиться о чистоте.

— Сурая, скоро придет глава нашего дома, пора готовить плов!

Это был голос супруги судьи. И Сурая с пристойным послушанием выполняла приказанное ей.

Все проходившие мимо хвалили ее за услужливость и прилежание. В том числе товарищ Рашидов, директор соседней школы № 1, где учились сыновья судьи.

А вечерами сам судья, сидя под чинарой после жирного плова, наслаждался ароматным чаем и с добротой во взоре наблюдал, как Сурая играет с его умными сыновьями.

Удочерить ее он тоже не спешил. Ибо и так было хорошо. Только одно кололо сердце судьи: Сурае иногда звонила из интерната старшая сестра Земфира. И он сказал директору Адамову, что это ему не нравится.

«Чего хочет судья — это немного»,— рассудил директор. И запретил Земфире звонить сестре.

Теперь для девочки Сураи настала совсем спокойная жизнь. Не надо ходить в школу, не надо учить уроки, надо только работать по дому.

Но дети есть дети. Никогда не знаешь, что они заберут себе в голову. Как-то вечером, придя домой, судья узнал, что Сурая убежала. Словно злой джин унес ее на своих черных крыльях. Судья озлобился сердцем и закричал:

— Хорошо, что я не удочерил эту неблагодарную!..

Поскольку интернат был далеко, в Худатах, а бабушку Стару огорчать не хотелось, Сурая направилась к родной тете Тамаре, парикмахерше. Но тетя Тамара, выслушав повествование Сураи, открыла перед ней дверь на улицу.

— Судья давал тебе хлеб, а ты, неблагодарная, хочешь смоквы и фиников! — говорила тетя, подталкивая девочку к выходу.— Иди, иди, нечестивая!

Прекрасен тихий город Хачмас. Природа щедро одарила его. Гнутся деревья от плодов, напоенных сладким соком. А горная речка Кудиалчай вьется меж кипарисов и чинар, источая спасительную в зной прохладу. Но это летом. Зимой тут гуляет холодный ветер с Каспия.

И пошла Сурая по Хачмасу, подгоняемая холодным ветром. Повстречала ее некая женщина по имени Джамила. И сказала:

— Бедный цветок! Пойдем со мной. Я дам тебе легкую работу.

— Я хочу в школу,— сказала Сурая.

— Это будет лучше, чем школа, — сказала посланница судьбы и привела сироту на автобусную остановку. Посадила возле мешка с семечками, дала стакан и повелела: стакан семечек — за гривенник.

Сурая продавала семечки и мечтала о добром волшебнике, который увел бы ее туда, где все дети играют в куклы и учатся в школе.

Такой принц однажды явился в образе сержанта милиции Алиосмана Адилова.

— Нехорошо! — пристыдил ее принц.

— Да, дядя, нехорошо,—доверчиво сказала Сурая и подумала: сейчас он поведет меня в интернат.

— Нехорошо. Дорого берешь,— сказал Алиосман.— Милиционерам надо делать скидку!

— Не могу, дядя сержант,— честно призналась Сурая.— Что скажет тетя Джамила?

— Не бойся, тети Джамилы нет! Давай за пятак!

Но тетя Джамила уже была здесь и кричала:

— Гони еще пятак, неверный! А ты, неблагодарная разорительница, уходи с моих глаз!

Сурая вернулась к бабушке Старе. А бабушка Ста́ра стара́, и тело ее исполнено недугов. Ей не до внучки. Она лежит и слушает, где что болит.

Никто теперь не вмешивается в жизнь неблагодарной девочки. И она может целыми днями сидеть во дворе, играть и петь.

Впрочем, директор расположенной рядом с домом бабушки Стары школы № 5 Юсиф Якубов иногда высовывается из окошка и с доброй улыбкой говорит:

— Сурая, потише пой свою печальную песню. Идут уроки!

г. Хачмас,
Азербайджанская ССР.

ПОРТРЕТ НАЧАЛЬНИКА ГОРКОМХОЗА
(в соответствующей рамке)

Рисунок
Ю. ФЕДОРОВА

Чем больше нового, тем оригинальнее старое.

В. ГОЛОБОРОДЬКО

Отталкивались от одних и тех же цитат в прямо противоположные стороны.

А. ДАВИДОВИЧ

Есть такие люди, которые творят добрые дела только по ошибке.

Ц. МЕЛАМЕД

Факты упрямая вещь, но некоторые люди значительно упрямее.

А. ТИТОВ

Владимир САПАРИН

Рассказ

Больше НИКОГО не буду разыгрывать!

Я дал эту клятву после истории, которая случилась со мной недавно.

Зашел ко мне однажды сосед. Тихий такой малый. И начал изливать душу.

— Помогите мне найти место в жизни,— сказал он, запинаясь на каждом слове и нервно двигая бровями.— Кем только я не был! Счетоводом пожарной команды. Перронным контролером. Автобусным кондуктором. Понимаете, все время на скромных ролях. А мне так хочется...— вздохнул он.

— Чего вам хочется?

— Славы...— сконфуженно признался сосед.— Чтобы, знаете, в центре внимания. Чтобы твой голос звучал на всю вселенную и чтобы о тебе говорили.

— А вы умеете что-нибудь делать? Призвание какое-нибудь ощущаете?

— Да как-то не нашел еще себя,— развел руками сосед и тяжело вздохнул.— В том-то и дело.

— Гм,— задумался я.— Знаете, вам надо идти в спортивные комментаторы.

— Что вы! — ужаснулся сосед.— Да я ничего в спорте не понимаю.

Он начал заикаться, точно я ему уже подсунул микрофон.

А мной овладевал бес упрямства.

— А зачем вам понимать? Ведь вы будете не акробатикой заниматься или прыжками с шестом, а языком работать. Это то же самое, что объявлять остановки в автобусе.

— Но ведь у каждого вида спорта есть своя специфика! — воскликнул он.

— Ого,— сказал я одобрительно,— вы уже почти готовый комментатор! Так и начинайте свои репортажи. С этих самых слов: «У каждого вида спорта есть своя специфика».

— Ну, а потом?

— А потом,— тут на меня нашло вдохновение,— потом говорите самые общие слова. Вроде: «В тяжелой атлетике, как нигде, от спортсменов требуются тренированность, упорство, воля к победе». То же самое говорите о мотогонках, пинг-понге или классической борьбе — все равно.

— А потом?

— Потом ведите репортаж. Это уж совсем просто.— Я говорил уверенно, хотя совесть меня помучивала, но я уже не мог остановиться.— Придерживайтесь всего двух принципов. Первый — говорите только то, что зритель видит сам. Например: «Голубчиков ведет мяч, вот он упал, ага, поднялся, судья назначает штрафной — нарушение правил». Каких правил, говорить не стоит: тут можно напутать. Второй принцип: говорите только то, что совершенно бесспорно. Например: «Итак, начинается последний тайм, тут-то и определится окончательно, на чьей стороне победа». Произносить это нужно торжественно, многозначительным тоном, как будто вы открываете бог знает какую истину. Улавливаете? В работе комментатора все дело в тоне.

— В принципе, действительно нетрудно,— обрадовался мой собеседник.— Я до сих пор как-то об этом не думал. Но ведь говорить нужно целых полтора часа, а то и больше.

— Ну и что же! Еще никто от этого языка не вывихнул. Тут травм не бывает. Главное ваше преимущество — не надо ломать голову. Хотите предметный урок? Я в боксе ничего не понимаю. Поэтому давайте для примера возьмем именно бокс. «Внимание! Мы с вами находимся...» Называете место соревнования. «Начинается встреча...» Читаете из программы. «Каждый вид спорта имеет свои специфические особенности. В боксе, как нигде...» И так далее. «Вы слышите удар гонга. Начался первый раунд. Идет разведка». Вначале всегда идет разведка, в боксе ли, в футболе — все равно. Так что, тут вы действуете без промаха. «Оба соперника стремятся к победе». Конечно, было бы удивительно, если бы боксер или хоккейная команда вышли на соревнование с намерением проиграть, но ваше дело говорить само собой разумеющееся. «Да, каждый явно хочет выиграть бой». Тут вы можете назидательно добавить: «Но одного желания мало. В боксе обычно побеждает тот, кто лучше боксирует». Или — соответственно — прыгает, бегает и так далее, если речь идет не о боксе... «Ага, судья делает замечание. Надо, товарищи телезрители, иметь в виду, что чем больше получает спортсмен замечаний, тем для него хуже. Это считается минусом. Такие уж правила в боксе... Итак, кончился первый раунд. Осталось два раунда. Посмотрим же, что покажет второй раунд. Но и он не выявил окончательно, кто же сильнее. Ну, что ж, ведь впереди еще один раунд, третий, последний... Теперь-то мы узнаем, кто же победит. Вот сейчас судьи объявят решение. Конечно, им виднее, но мне из моей кабины кажется, что несколько сильнее был боксер в белой майке. Вот и решение. Как и следовало ожидать, победу присудили боксеру в темной майке. Ну, что ж, заслуженная победа!» Всегда подчеркивайте, что вы были правы, независимо от того, что вы говорили прежде. А если ваша ошибка уж очень явная, например, вы запутались в счете, то делите промах вместе со всеми телезрителями: «Мы с вами ошиблись. Он занял не второе место, а лишь девятое». Всякому понятно, что если разделить ошибку на несколько миллионов, то это уж никто не поставит вам в вину.

— Но ведь в каждом виде спорта бывает и что-то свое,— робко заметил мой собеседник.— Нельзя же целых полтора часа...

— Разумеется, нельзя. Тут выход простой. Время от времени вы затаскиваете в кабину какого-нибудь проходящего мимо спортсмена и заставляете его комментировать уже по сути дела.

— Спасибо,— проникновенно сказал сосед. Он сердечно пожал мне руку и уже направился было к двери, но на полпути остановился.

— Вы сказали... нужно... работать языком,— промямлил он с запинками.— Но я... косноязычен... от природы. Часто двух слов не могу связать. Особенно когда перед публикой...

Что мне было делать? Не отступать же после всего сказанного!

— Ну, знаете, в конце концов этот недостаток может оказаться даже пикантным,— сказал я бодро.— Каждый комментатор говорит по-своему...

Он ушел, бормоча слова благодарности.

И что же вы думаете? Включаю на днях телевизор — и слышу в точности все, как я говорил тогда соседу. Слово в слово. И запинается так же, как тогда. Даже еще больше. Видно, от волнения. Только тембр голоса, кажется, другой. Но, может, это телевизор искажает?

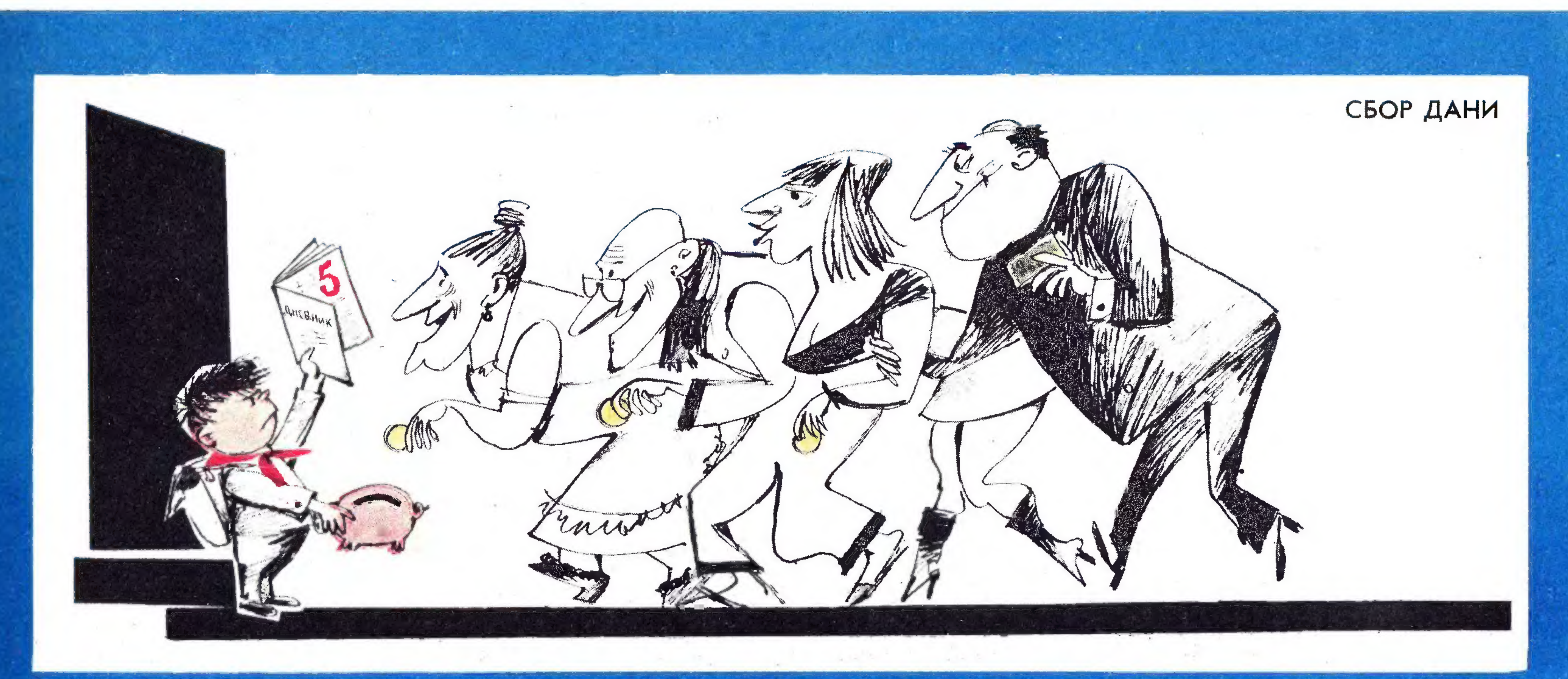
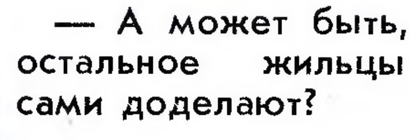

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— А может быть, остальное жильцы сами доделают?

Рисунок Е. МИГУНОВА

— Товарищ милиционер, лифт вора поймал!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

МОЙ ХИТРЫЙ ДВОЙНИК

Борис ДАНЕЛИЯ, специальный корреспондент Крокодила

У меня всегда было предубеждение против телепатии и теорий о раздвоении личности.

Но вот с некоторых пор со мной стало происходить нечто странное как раз в этом духе. Я, как всегда, приходил на работу, корпел за своим столом и в то же самое время куролесил где-то за тридевять земель, устраивал веселые вечеринки, дергал за бороду почтенного швейцара и обделывал какие-то темные делишки.

Если бы внезапно открывшаяся у меня способность одновременно находиться в двух разных местах развивалась по линии созидательно-трудовых починов, это можно было бы только приветствовать.

Но в данном случае все происходило как раз наоборот: раздваиваясь, я совершал только неблаговидные дела.

Все это смахивало на какую-то мистику.

Однако те, кто видел меня во время раздвоения (расщепления? отпочкования?), в один голос утверждали, что я воспринимался как вполне реальное лицо.

— Ведь не мог же я пожимать руку призраку! — воскликнул первый секретарь Телавского райкома партии тов. Вардашвили, когда ему сказали, что его посетил не я, а кто-то вроде моего двойника.

Примерно то же самое утверждал и второй секретарь Цхакаевского райкома партии тов. Кучава.

— По-моему, это был живой человек,— задумчиво рассуждал он.— Корреспондент. Он спешил в Батуми на свидание с какой-то известной дамой... Будь это призрак, зачем бы ему понадобилась райкомовская машина?

Остальное дополнял остроглазый швейцар из лучшего батумского отеля,

По его словам, прибыв к Черному морю, я поселился в роскошном люксе, Как раз рядом с комнатой, где проживала прекрасная, как Джульетта, известная прима голубого экрана.

Я будто бы тут же стал набиваться к ней на роль пылкого Ромео.

Моим оружием были цветы и песни, В подтверждение сказанного швейцар предъявлял вещественные доказательства: засохший букет и разбитую гитару,

Все это, возможно, и было предосудительно, но дело в том, что я к этому не имел никакого отношения.

Оставалось предположить, что это был все-таки не я.

К сожалению, эта спасительная гипотеза оказалась построенной на песке,

Хранившийся в отеле розовый листок анкеты упирал свой указательный палец прямо в меня:

Ф. И. О.— Данелия Борис Константинович.

Профессия — журналист.

Место работы — журнал «Крокодил»,

Должность — специальный корреспондент.

— А черт его знает,— засомневался вдруг я,— может, я и в самом деле раздваиваюсь? Может, и впрямь существуют всякие там неведомые силы?

После этого я поспешил к известном психиатру, чтобы проконсультироваться по поводу телепатии, животного магнетизма, миграции душ и раздвоения личности.

Профессор предписал мне покой, свежий воздух и простоквашу по вечерам

Я последовал этим советам, но через неделю в моей квартире раздался телефонный звонок из Тбилиси, и в трубке послышался заговорщический шепот

— Это ты?

— Я.

— А это я! Неплохое дельце мы с тобой обстряпали. Хе-хе!

— Какое еще дельце?!

Но в трубке уже звучали прерывистые гудки.

Теперь я был твердо убежден, что оккультные силы давят на меня и я все-таки раздваиваюсь. Скорее всего это происходило во время сна. Поэтому я оборудовал диван-кровать специальными ремнями и привязывал себя на ночь. А уходя на работу, брал с собой кривую сапожную иглу и время от времени колол себя в ногу.

Однажды я застал у дверей редакционной комнаты взволнованную шатенку с большой кожаной сумкой в руках. В сумке было что-то тяжелое. Судя по воинственному виду ее владелицы, это был томагавк — топор войны.

— Я хотела бы видеть корреспондента Б. Данелия,— сказала она.

— Это я.

— А я Надина мама,— сурово представилась женщина с сумкой.— Помните буфетчицу Надю Алферову? Это что ж, обещал жениться, а потом раз, два — и был таков?! Только я не посмотрю, что ты в шляпе! Раз обещал — женись!

— Кто обещал?

— Ты, Б. Данелия!

Я опрометью побежал домой и оборудовал диван еще одним привязным ремнем. Вечером, когда я лег спать, жена взяла швабру и села рядом, чтобы охранять меня от злых сил.

И тем не менее утром на работе меня вновь подстерегал сюрприз.

Едва я переступил порог, как раздался звонок из какого-то главка:

— Скажите, у вас работает Данелия?

Я ответил утвердительно.

— Значит, он сейчас в командировке?

Я ответил отрицательно.

— Нет? — послышался удивленный голос. А кто же тогда проверяет нашу тбилисскую металлобазу?

Я сразу смекнул, что жена ночью все-таки вздремнула. Этим, вероятно, и воспользовалось мое второе «я», и теперь мой двойник проводил глубокую документальную ревизию на тбилисской металлобазе.

Бледный главбух, хватаясь за сердце, торопливо выкладывал перед ним объемистые гроссбухи. Директор, желая послужить правому делу, беспощадно разоблачал нечистого на руку кладовщика Мамукашвили. Тот, ухватив мнимого ревизора за рукав, настойчиво тянул его в темный угол.

Я тут же позвонил в Тбилиси.

— Держите его! — сдавленным голосом закричал я.

— Поздно! — уныло отозвался директор.

Поздно было потому, что отпочковавшиися от меня субъект уже покинул металлобазу. Когда он уходил, его карман был красноречиво оттопырен. Значит, кладовщику все-таки удалось загнать моего двойника в угол.

Слабость к денежным знакам говорила о том, что субъект, посетивший металлобазу, никакой не дух, а вполне осязаемая законом материальная субстанция.

По словам очевидцев, он состоял из обыкновенной плоти, синего костюма, проседи на висках и служебного удостоверения в кармане.

Нет, мое второе «я» тут было ни при чем! Это был кто-то другой.

Не полагаясь больше на простоквашу, привязные ремни и собственные силы, я взял лист бумаги и написал министру внутренних дел Грузии письмо с просьбой срочно задержать моего двойника.

Оперативность — вежливость министерства внутренних дел. Ответ не заставил себя ждать. Министерство сообщило, что в результате принятых мер он... я... или... в общем, этот самый Борис Данелия уже видит небо разлинованным в крупную клетку и оно кажется ему величиной с овчинку.

«Если у редакции Крокодила,— говорилось далее,— имеются заявления или сигналы граждан, пострадавших в результате мошенничества вышеозначенного лица, то просим переслать их нам для использования в ходе следствия».

Самым пострадавшим был я. Но мое заявление в министерстве уже лежало. Поэтому я отправился в Тбилиси сам.

Перед тем, как встретиться с отпочковавшимся от меня субъектом, я ознакомился с его делом и анкетой:

Ф. И. О.—Летодиани Мурман Шалвович.

Год рождения — 1931.

Образование — самообразование.

Профессия — 153 ст. ч. III УК ГССР.

О похождениях моего недавнего двойника повествовали два тома уголовной летописи. Из нее следовало, что операция на металлобазе была не единственным делом его рук.

Буквально на другой день после визита на металлобазу мнимый столичный журналист прибыл в небольшой азербайджанский город Казах, чтобы обследовать работу местного комбината трикотажных изделий.

К воротам трикотажного предприятия он подкатил, как всегда, с помпой, на машине первого секретаря райкома.

Во дворе комбината, поблескивая на солнце, красовался цельнометаллический вагон авторефрижератора. К нему с увесистыми тюками на плечах поспешала бригада былинных богатырей.

Пассажир райкомовской «Волги» счел нужным предъявить директору удостоверение на имя корреспондента «Крокодила» Б. К. Данелия.

Обстановка сложилась, как при землетрясении. Почва под ногами директора заколебалась: в рефрижератор был заложен неучтенный товар на кругленькую сумму.

Директор бочком выскользнул за дверь, а вместо него в кабинете появился мастер трикотажного цеха Рафо Аджаишвили.

Ухватив незваного гостя за рукав, он настойчиво потянул его в темный угол.

— Десять процентов со всей суммы — и пусть рефрижератор едет,— прошептал мастер Рафо, едва не откусив ухо договаривающейся стороне.

— Пятнадцать процентов — и пусть проваливает! — последовало встречное предложение.

Мастер Рафо стремглав бросился к двери и во всю глотку гаркнул:

— Пусть рефрижератор едет!

Вслед за мастером Рафо гостю представился главный инженер предприятия Ило Аджиашвили. Директор комбината Джалилов твердой походкой возвратился в кабинет и с достоинством погрузился в свое кресло.

Внезапно подобревший мнимый фельетонист решил сделать хозяевам приятное.

— У меня перо, а у вас — ничего! — покровительственно сказал он.— Дайте мне книгу почетных посетителей, я запишу свое мнение о вашем комбинате.

К глубокому огорчению директора, такой книги у него не оказалось. Тогда гость пообещал высказать свое мнение прямо министру социального обеспечения Зулейхе Гадыбовне Сеитмамедовой, в ведении которой находился казахский комбинат.

Прибыв в Баку, мнимый сатирик явился к министру с букетом красных роз.

— От имени редколлегии,— расшаркался он перед Зулейхой Гадыбовной.— От московских сатириков и от вашего покорного слуги лично.

Зулейхе Гадыбовне такое внимание было вдвойне приятно. Во-первых, потому, что она была не только министром, и, во-вторых, сатирики чаще преподносят шипы, чем розы.

— Товарищ Али Мамедов! — повернулась она к начальнику планового отдела.— Поручаю вам везде сопровождать гостя. Делайте все так, как он пожелает!

Первым долгом гость пожелал ознакомиться с предприятиями, подчиненными министерству.

Поражая директоров комбинатов и объединений редкой эрудицией, он легко проникал в колдовские секреты технической калькуляции, без всяких усилий разрушал черную магию бухгалтерских отчетов.

Директора бледнели и хватались за головы.

Когда все предприятия были обревизованы и гость министерства подъехал к своей гостинице, там уже стояла дюжина лимузинов, представлявшая столько же директоров.

В вестибюле, приветливо улыбаясь, гостя встретили старые знакомые — мастер Рафо и его партнер Ило.

Дело закончилось банкетом...

Прочитав летопись, я с глубоким облегчением вздохнул.

Наконец-то со всей этой телепатией было покончено.

Потом его привели. Он не запирался.

Мой недавний двойник оказался цирюльником.

Удостоверение специального корреспондента Крокодила он изготовил сам. Оно было отпечатано на хорошей бумаге и заключено во внушительный кожаный переплет. Вид у этого удостоверения был явно устрашающий. И тут цирюльник явно переборщил.

Жуликоватые кладовщики, шкодливые хозяйственники и подпольные миллионеры трусливы, как мыши. Они каждую минуту ждут, что на их повинную голову может обрушиться карающий меч.

Поэтому цирюльник с не меньшим успехом мог устрашать их членским билетом добровольного пожарного общества, справкой донора или дипломом породистого медалиста, получившего приз на собачьей выставке.

Похождения бравого цирюльника дают повод для некоторых предположений.

Мнимый корреспондент был хорошо осведомлен и действовал только наверняка. Он всегда появлялся там, где совершались нечистые делишки и где за счет комбинаторов он мог погреть руки. Это значит, что он черпал «экономическую информацию» из какого-то надежного источника.

Правда, из какого именно — в этом еще следует разобраться...

Кроме предположений, есть повод и для размышлений.

Официальные лица встречали цирюльника с распростертыми объятиями, с радостью принимали от него букеты и выполняли все его прихоти.

Видимо, на хлебосольных хозяев производили неизгладимое впечатление его сверхмодный костюм, парикмахерская галантность и купеческий шик. Так, вероятно, по их мнению, и должен выглядеть советский журналист. Этаким хлюстом в мини-фраке, в туфлях на высоких каблуках и с гвоздикой в петлице.

И такое представление обидно. Потому что журналист — это труженик.

И не надо его прибытие сопровождать усекновением бараньей головы, как это делали в Баку, встречая прощелыгу.

Тбилиси — Баку — Москва.

Евгений ШАТРОВ

ДОРОГИЕ БЛАГОДЕТЕЛИ

Из теплых южных мест благодетели прилетают ранней весной вместе с грачами. Птицы на собственных крыльях, а благодетели на воздушных лайнерах. Грачи начинают кружить над полями, благодетели торопятся в правления колхозов.

— Слыхал про твою беду, председатель,— говорит благодетель. — Выручим, уважаемый! Поможем. Что хочешь строить — построим.

Как не возликовать председателю! «Межколхозстрой» — его не дождешься. То людей не хватает, то техника слаба. Другие организации обслуживают только совхозы. Своих же зодчих у артели осталось двое — плотник дед Пантелей и печник дядя Михей, которые уверяют, что им и путного курятника не осилить. А тут появился спаситель и благодетель.

Кто же он? Это бригадир строителей сезонников, прибывших из далеких южных краев.

Начинается деловой разговор... Однако, когда председатель назвал расценки, благодетель встал и надел шапку.

— Интересу нет! — сказал он.

Председатель испугался.

— Дадим надбавку,— заторопился он,— учитывая ваши расходы на дорогу. К тому же разлуку с семьей...

— А климат? — воскликнул гость.— Разве тут такой климат? У вас морозы! Вот то-то...

— А где же я возьму вам тепло? — чуть не рыдая, спросил председатель.

— Эхе! Кто просит тепло? Давай вместо тепла премию.

И назвал несусветную цифру.

Председатель охнул, чертыхнулся, но договор подписал. С согласия правления.

С первыми жаворонками благодетели явились в колхоз. Застучали топоры, заскрипели пилы... Только, к сожалению, ненадолго.

— Нет интереса, любезный,— услышал председатель.— Кончился интерес. Продай нам по тонне зерна на брата. По закупочной цене.

Что делать? Гнать хапуг в шею и требовать с них неустойку? Да как потребуешь, если бригада частная, не имеющая никакого не только юридического статута, но даже и адреса. Живут где-то в районе вечного тепла.

Председатель снова крякает и отсыпает вымогателям по тонне зерна. Иначе бросят начатую стройку и перекочуют работать к соседям, а то и в «Межколхозстрой», где их примут с распростертыми объятиями на тех же несуразных условиях.

Конечно, благодетели кое-что выстроят. И даже неплохо. Но во что это обходится?

Инженер экономист А. Меркурьев провел такие подсчеты по своей Вологодской области. Сверх каждого законного рубля приезжим бригадам дают еще и незаконный полтинник. На таких полтинниках вологодские колхозы теряют ежегодно 5 миллионов рублей. Это не считая тысяч тонн дешевого хлеба.

А вот еще один результат, уже морального порядка.

Местные строители дядя Михей и дед Пантелей, глядя на привилегии «варягов», говорят:

— А мы чем хуже?

И, бросив родной колхоз, являются в соседний район. И тут же требуют надбавок и сверхпремий.

За август прошлого года колхоз «Север», Усть-Кубинского района, Вологодской области, выплатил частной бригаде А. Сметанина, прибывшей из соседнего Сокольского района, по 495 рублей на человека. Добавим, что возводила бригада вовсе не драгоценную хрустальную башню, а стандартный телятник.

Усть-Кубинский же колхоз «Завет Ленина» отвалил в июне бригаде М. Шмелева из Владимирской области по 566 рублей на брата. И не за роспись Дворца культуры художественными фресками, а за постройку обыкновенного навеса.

Швыряются деньгами, плодя рвачей, не только на Вологодчине. К примеру, такое было и в Новосибирской области. И там во многих колхозах и совхозах приезжим благодетелям произвольно завышали расценки, выплачивали дутые премии, не останавливаясь перед прямыми подлогами. Только народный контроль положил конец этому мотовству.

— Что же нам делать? — скажут председатели колхозов.— Гнать шабашников в шею? А кто нам строить будет?

Зачем гнать? Не надо. Бороться надо не с приезжими строителями-сезонниками, без которых пока не обойтись, а с теми, кто превращает их в «дорогих благодетелей», осыпая золотым дождем и выполняя самые несообразные требования.

Запрещать следует не наем сезонников, пусть и неорганизованных, а дикие переплаты им из артельной кассы под любой маскировкой.

Между прочим, дорогие сельские читатели, весна уже на дворе. Поглядывайте, кто к вам летит! Ведь в эту пору прилетают не только грачи...

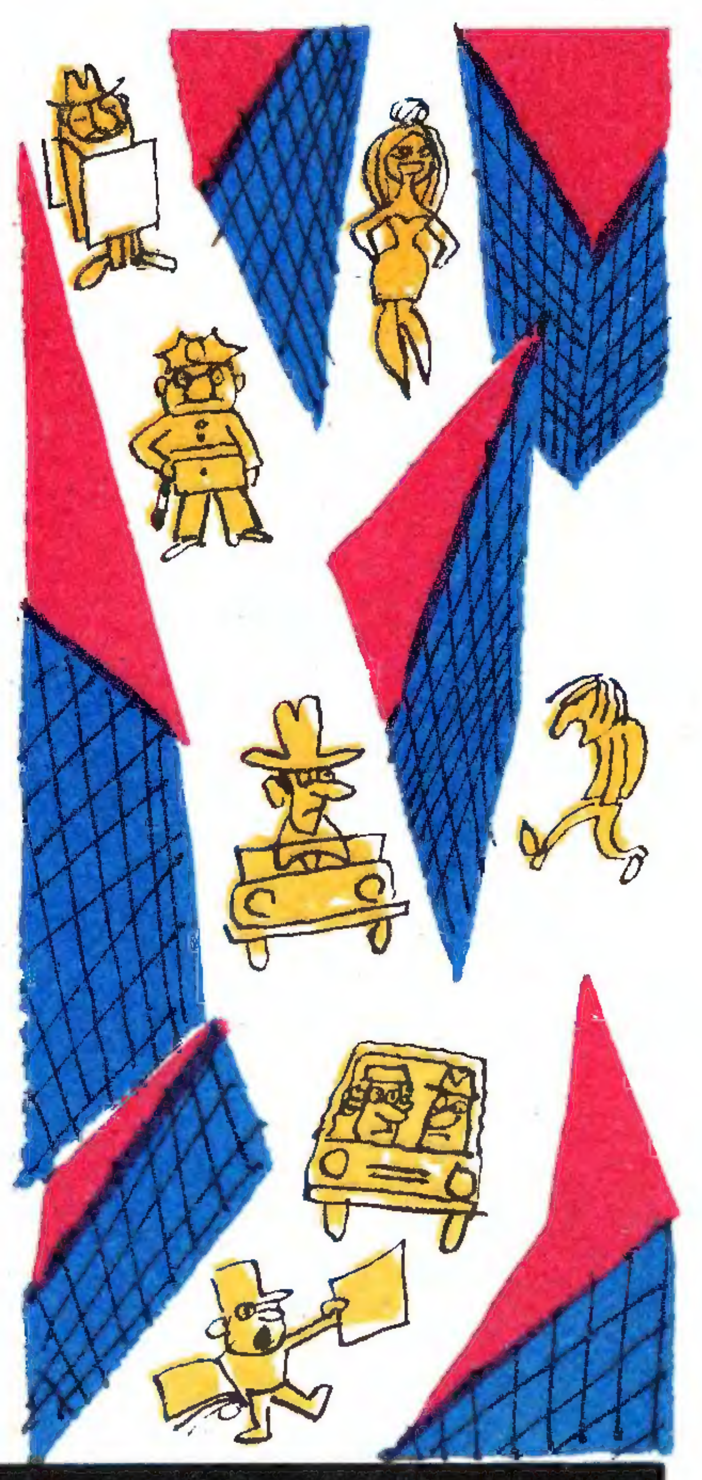

— Командировка в город прошла успешно: засватал агронома!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ВНЕ ПРОГРАММЫ

Из американского блокнота

Цезарь СОЛОДАРЬ

Отринув мужское самолюбие, должен признать, что первая американка, с которой я познакомился на территории Соединенных Штатов, не взлюбила меня.

Чем же не угодил я миссис Анне — седовласой представительнице фирмы «Дженерал тур», сопровождавшей группу советских писателей и журналистов?

Представьте, всего лишь грибоедовской строчкой.

Проезжая в полдень по нью-йоркской улице Бауэри, мы увидели возлежащих на тротуаре далеко не респектабельных мужчин. Иные попытались даже соорудить для себя подобие спальни: старое одеяло под навесом из драных джутовых мешков.

— Улица бродяг,— брезгливо бросила миссис Анна.

— Они безработные?

— Боже мой! — возмутилась почтенная дама.— Наши безработные — вполне приличные и обеспеченные американцы: за пособием приезжают на собственных автомобилях. А эти, я же сказала вам, бродяги. Сколько раз им давали квартиры! Но они так привыкли жить на улице, что возвращаются сюда.

— Свежо предание, а верится с трудом,— позволил я себе поделиться с соседом по автобусной скамейке.

Мои слова не ускользнули от бдительного слуха миссис Анны.

— Прекрасные стихи Евтушенко тут совершенно не уместны,— гневно заметила она.— Вероятно, вы заранее приняли решение не верить моим словам.

Нет, такого решения я не принимал. Я поверил даже утверждению нашей американской спутницы, что основное ее занятие — консультативная помощь литературоведам, готовящим в Калифорнийском университете научные труды по советской поэзии...

* * *

Вряд ли вы отгадаете, где мы встретились с наиболее оживленным потоком экскурсантов. Нет, не в Чикагской картинной галерее. И не в вашингтонском Капитолии. И даже не у вечно бушующей Ниагары.

Наиболее шумливы экскурсанты, приходящие на нью-йоркскую фондовую биржу. И не удивительно: ни в музеях, ни на выставках не увидишь такого обилия звонкоголосой детворы, сопровождаемой учителями.

Видимо, потому-то экспозиции биржевого дела и придан красочно-развлекательный характер. Пока под потолками биржевых залов мигают покорные электронно-счетным машинам движущиеся табло, пока традиционно, как в добрые дедовские времена, внизу гудят маклеры, наверху, на хорах, экскурсантам показывают довольно веселенькую кукольную панораму биржевых операций. А затем юных посетителей (и наиболее экспансивных взрослых!) привлекают к игрушечным, но полным азарта финансовым сделкам. Ребятишки с разгоревшимися глазами вкладывают в бизнес всего несколько центов, но зато усваивают, акции каких фирм наиболее устойчивы и «как экзекутируется маклерский ордер». А под занавес самые удачливые из финансистов в коротких штанишках получают свой вклад с процентной надбавкой.

Через несколько дней на центральной улице Чикаго я услышал от пожилой учительницы:

— Посещение биржи по сравнению со многим другим — это чуть ли не средство эстетического воспитания наших школьников.

— Что вы разумеете под «многим другим»?

Учительница выразительно кивнула на витрину книг и журналов с откровенно порнографическими обложками. А когда мы повернули за угол, обратила мое внимание на не очень-то броскую, но достаточно выразительную вывеску «Пип-шоу», где, опустив в автомат монетку, юные граждане получают возможность посмотреть, мягко скажем, довольно натуралистические короткометражки на сексуальные темы.

— Может быть,— вздохнула учительница,— сейчас в этом заведении какая-нибудь из моих учениц? Страшно подумать, кто из нее может вырасти!

В самом деле, что из нее получится? Может быть, мужеподобная «хиппи», с какой мы встретились в одном из жалких ночных полубаров-полукафетериев «беспокойного» нью-йоркского района Гринич-Виллидж, печально прославившегося как главная резиденция огромных стай «хиппи» обоего пола? Грязная и полуоборванная, она оставила в углу запеленатого ребенка и уселась на табурет перед стойкой.

Разговорившийся с ней нью-йоркский журналист кивнул на ребенка:

— А кто отец?

Девица натужно расхохоталась:

— Кто-нибудь из них! — И обвела мутным взглядом чуть ли не полтора десятка своих столь же грязных, но зато женоподобных длинноволосых приятелей.

* * *

Полулежа в шезлонгах, мы беседуем с общительным банковским деятелем из Филадельфии и его супругой.

Разнеженный горным солнцем, игриво отсвечивающим в подсиненной воде купального бассейна Колорадо-Спрингс, финансист добродушно обращается к нам:

— Я знаю, в Европе принято считать Штаты страной милитаризма. Но положа руку на сердце скажите: много вы видели солдат и офицеров в Нью-Йорке?.. В Чикаго?.. В Буффало?.. В Денвере?.. Здесь?

Не успев положить руку на сердце, я спешу успокоить филадельфийца:

— Нет, почти не видел... Я видел их в Италии, в Норвегии...

— В Голландии, в Бельгии,— подхватывает один из наших товарищей.

— В Западной Германии, в Дании,— добавляет другой.

Дама включается в беседу:

— А мы с мужем — помнишь, дорогой?— видели много-много наших солдат и матросов в Греции и Турции. Но, вероятно, больше всего их там, где мы воюем, дорогой,— простодушно говорит она мужу.

Тот, не меняя удобной позы, бросает короткую и тихую, но весьма выразительную реплику, после которой дородная жена на наших глазах блекнет и становится какой-то щупленькой и низкорослой.

Недостаточное знание английского мешает мне дать точный перевод реплики супруга. Но, очевидно, в лучшем случае он сказал:

— Ты дура, дорогая...

* * *

Наш автобус проезжал мимо столичного парка, соединяющего зеленой линией памятники Линкольну и Вашингтону.

— Уже почти не видно следов палаточного городка,— глядя в окно, сказал я соседу.— Что ж, не удивительно: прошло столько времени!

— Какой палаточный городок? — недоуменно вскинула брови представительница фирмы «Дженерал тур».

— Тот самый, что студенты и негры построили здесь в мае прошлого года.

— Зачем? Для кого?

— Для участников «Похода бедноты».

— Боже мой, где вы читали об этом фантастическом походе? — В голосе моей оппонентки возобладали насмешливые нотки.

— Не только читал, но даже видел снимки.

— Ну, в наше время можно смонтировать любые фотографии,— услышал я снисходительное разъяснение.— Вы их видели, конечно, в Москве?

— В Москве, в одном весьма солидном журнале.

— На русском языке?

— Да.

— Все понятно! — Моя собеседница решила этим торжествующе-ироническим замечанием завершить диалог.

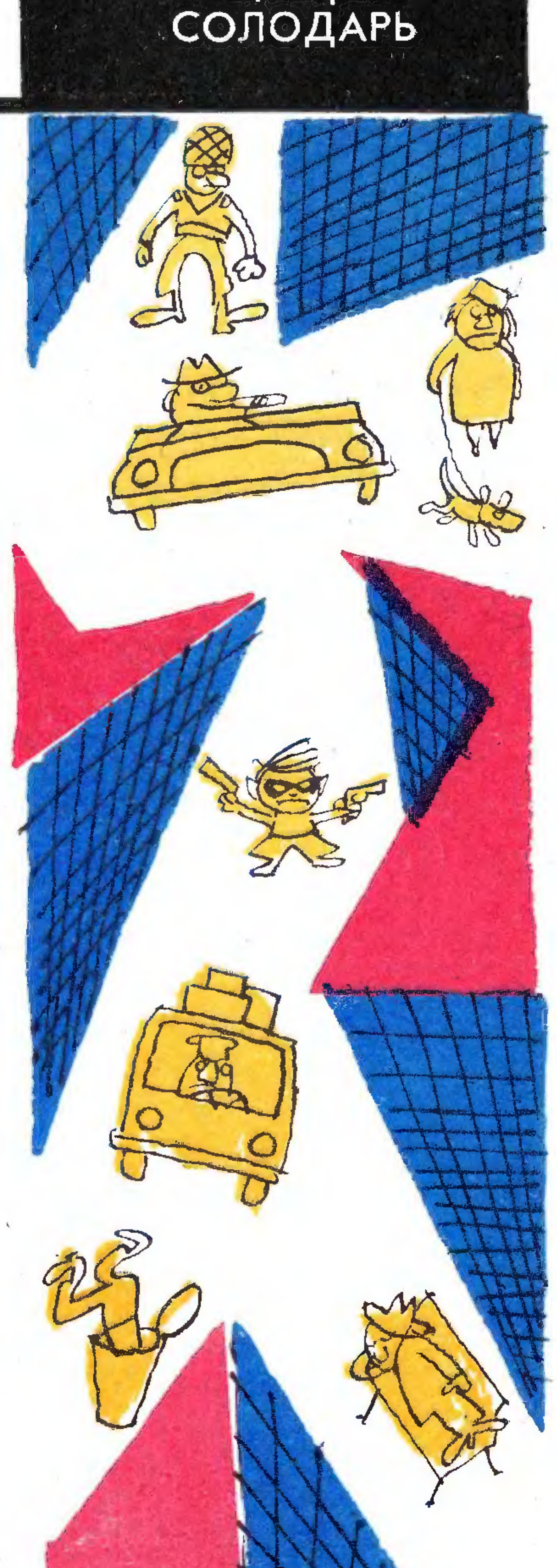
— Нет, пока не все понятно. Надо еще добавить, что этот журнал на русском языке издается правительством Соединенных Штатов...

Миссис Анна подчеркнуто громко стала разговаривать с шофером.

А вот мне действительно стало понятно, что американский гид обязан быть святее самого журнала «Америка».

Нелегкая обязанность! Даже если принять во внимание, что журнал сообщил о «походе бедноты» только во втором номере за нынешний год, то есть через десять месяцев после того, как советская пресса подробно рассказала читателям об этом далеко не единичном эпизоде классовых столкновений в США.

* * *

И все же последняя полемика произошла у миссис Анны на Арлингтонском военном кладбище не со мной.

Мимо густых рядов надгробных плит с пятизначными номерами спешили мы к могиле Неизвестного солдата — предстояла смена почетного караула.

Под впечатлением торжественно-траурного ритуала мы молча возвращались к автобусу.

Неожиданно нам повстречались два товарища из нашей группы. Оказывается, потеряв нас в толпе многочисленных туристов, они пошли на звуки военного оркестра и попали не на смену караула, а на похороны семи жертв войны во Вьетнаме.

— Всех, кто погиб во Вьетнаме, хоронят на Арлингтонском кладбище? — спросили они миссис Анну.

Конечно, она могла бы разъяснить им, что Арлингтонское кладбище не в состоянии принять тысячи трупов, доставляемых из Вьетнама. Но вместо этого миссис Анна раздраженно отрезала:

— Эта тема не входит в программу нашей поездки!

Нью-Йорк — Буффало — Чикаго — Денвер — Колорадо-Спрингс — Вашингтон.

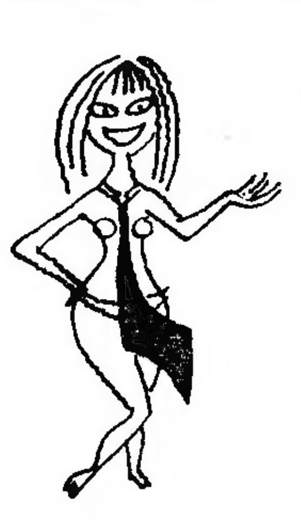

ОСЛО. Здесь побит один из самых сложных мировых рекордов: в малолитражную автомашину набилось 18 студентов. Прежний рекорд был установлен в Чикаго, когда в машине такого же типа уместилось 16 студентов. «Главная проблема заключается даже не в том, как влезть внутрь, а как оттуда выбраться»,— заявил один из новых рекордсменов.

ПАРИЖ. Местные законодатели мод сообщили миру, что летом 1969 года ни одна уважающая себя дама не должна купаться без... галстука. «Ничто не придает девушке такого скромного и делового вида,— заявил знаменитый модельер Ив Лоран,— как галстук. Чем минимальнее бикини, тем длиннее должен быть галстук».

Стремясь срочно обеспечить себе скромный и деловой вид, парижанки бросились закупать бикини с галстуками. Расчет Ива Лорана был верен. Ведь он же как-то проговорился, что чем глупее мода, тем охотнее на нее клюют...

НЬЮ-ЙОРК. В нью-йоркскую телефонную книгу внесен номер телефона Рэкса, любимого пса некоего крупного биржевика. Платя деньги за включение в книгу «личного телефона» Рэкса, его хозяин сказал:

— А вдруг кто-нибудь из его четвероногих друзей захочет позвонить ему и поговорить на их языке?

Среди последних новинок в «магазинах для четвероногих любимцев» — кружевные ночные рубашки для кошек и парики для собак.

Американский журнал «Тайм» по этому поводу пишет: «Похоже, что, придумывая человеческие атрибуты для животных, их хозяева сами все меньше и меньше становятся похожими на людей».

Спорить не будем, «Тайму» виднее.

ОБЪЕДИНИЛИСЬ

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

ВЫСИДЕЛ...

Рисунок Г. ИОРША

ШТУТГАРТ (ФРГ). Художник Ламберт Винтерсбергер является основоположником нового направления в изобразительном искусстве, названного им «изосадизмом». На выставке его работ в Штутгарте перепуганные зрители шарахаются от огромных полотен, на которых изображены увеличенные в десятки раз разорванные ноздри, вывороченные губы, щипцы, вытягивающие зубы (или ногти), человеческие конечности, пронзенные штопорами, вилками, ножами для открывания консервных банок, головы, пробитые гвоздями, и т. п.

Молодой баварец явно унаследовал «мировоззрение» от людоедов, подвизавшихся у газовых печей Освенцимов и Бухенвальдов. И не удивительно, что он пользуется поддержкой кое-кого из главарей неонацизма: им такое нравится.

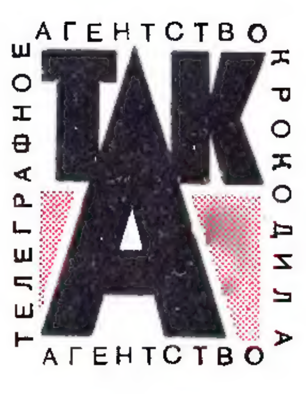

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН. В газете «Тагесшпигель» появилось письмо в форме объявления: «Мы поздравляем г-на Ганса Иоахима Резе, бывшего заседателя в национал-социалистском суде, в связи с его оправданием западногерманским судом». Одновременно выражается благодарность судье д-ру Эрнсту Юргену Оске и заседателям за оправдательный приговор.

Итак, нацисты принимают поздравления. А Фемида? Ей, очевидно, нужно принимать соболезнования...

ЛОНДОН. Великобритания остается чуть ли не единственным в мире государством, где еще сохранились телесные наказания школьников. Недавно директор лицея в Милнторпе поставил вопрос о наказаниях на усмотрение самих учеников. Подавляющее большинство из них, видимо, желая показать себя достойными английских традиций, проголосовало за розги. А может быть, они просто боялись, что, скажи они «нет», директор тут же прибег бы к привычному методу воспитания?

Виталий ГАБЕЛКО

Обобщение

Яков Запятых, конструктор второй категории, написал басню и показал ее редактору стенной газеты «Кривошип». Редактор басню прочел и сказал:

— Ты, Яша, не обижайся, но в «Кривошипе» басня не пойдет. Слишком общо написана. Не конкретно. Отнеси в областную газету. Авось, возьмут.

Запятых идти в редакцию постеснялся и послал басню почтой. Басню, к огромному удивлению автора, напечатали. В приподнятом настроении конструктор-баснописец второй категории вернулся к своему кульману и принялся за работу.

Зазвонил телефон.

— Запятых! — крикнул начальник бюро.— Тебя Квасов вызывает. Срочно.

Яков отложил карандаш и, поправляя на ходу галстук, поспешил в местком.

Квасов встретил его кислой миной:

— Слушай, Запятых, не знал я, что ты такой обидчивый. Зачем не пришел, не сказал толком? Мы бы тебе эту путевку, будь она неладна, сразу отдали. А ты — трах — и в газету.

— Какая путевка? — удивился Яков.

— Слушай, Запятых, брось. Несолидно получается,— сказал Квасов и ткнул пальцем в лежавшую на столе газету.— Вот. Черным по белому: «И Волк с путевкой к морю укатил». Ну, поехал главный инженер в Крым по путевке со скидкой. Он же тоже человек. А ты сразу в газету...

— Да это я так, вообще...— забормотал растерявшийся автор.— Волк — это собирательный образ. Все баснописцы так пишут.

— Не ожидал я от тебя,— махнул рукой предместкома.— А еще актив!

К кульману Запятых вернулся погрустневший. Перед самым перерывом раздался требовательный звонок из приемной директора:

— Запятых! Вас Кирилл Петрович вызывает.

От дверей кабинета к директорскому столу вела бордовая дорожка.

— Садитесь,— кивнул директор на боковое кресло.— Я вас, Запятых, всегда считал дельным работником, человеком корректным, не способным на необдуманные действия. Признаюсь, собирались назначить вас руководителем одного весьма перспективного проекта. А вы историю раздули. На всю, можно сказать, губернию.

— Кирилл Петрович, поверьте, я ничего не раздувал,— тихо сказал Запятых, вставая.

— Эх, Запятых, Запятых, брось, брат, финтить. Ведь это ты написал: «А Зайца Лев меж тем за шиворот держал»?

— Я, но, Кирилл Петрович, это же аллегория, так сказать, специфика жанра, обобщение, если хотите.

— Обобщение, говоришь? А из горкома профсоюза уже едет комиссия проверять частности нашей работы.

Директор печально посмотрел на Запятых и полез в стол за сигаретами.

г. Минск.

Виктор РОМАНОВ

Страшная весть

После недолгих сомнений я постучал к своей соседке Кларе Петровне, чтобы сообщить ей неприятную новость.

— Милости просим! — приветствовала она меня на пороге.— Проходите, Миша. Присаживайтесь.

— Я могу и постоять, а вот вам необходимо сесть,— посоветовал я.— И лучше не на стул, а на диван. Мягче будет падать.

— Что-нибудь случилось? — встревожилась соседка.

— Случилось — не то слово. Стряслось! Но вы не волнуйтесь. Бывает похуже.

— Сейчас я чай согрею,— вскочив с дивана, сказала Клара Петровна,— и вы все мне по порядку расскажете.

— Не надо чаю. Принесите для себя холодной воды. Возможен обморок.

Соседка машинально опустилась на стул и испуганно на меня взглянула.

— Что произошло, Миша? Не томите. Горячую воду отключили?

— Подымайте выше.

— Потолок в кухне рухнул?

— Вы не переживете, если я скажу,— предупредил я.— Страшная весть! К ней нужно подготовиться.

Я пересадил соседку на диван и принес стакан воды. «А вдруг ей придется делать искусственное дыхание? — растерялся я.— Без врачей мне не суметь». В справочном я узнал номер телефона неотложной помощи.

— Кстати, валерьянка у вас есть? На случай если сердце забарахлит.

— С Аликом несчастье? — побледнела Клара Петровна. Ее била нервная дрожь.

Я сбегал в свою комнату за валерьяновыми каплями. Проглотив ложечку лекарства для собственного успокоения, я сказал:

— Вы угадали. Этого паршивца надо выпороть. Могу предложить свой ремень.

— Что с Аликом? — застонала соседка.

— Невероятный случай! Ваш сынок спокойно сидит в «Рюмочной» и опрокидывает стопки. При мне три штуки осушил. Вот! — выпалил я и замер.

Обморока не последовало.

— Слава богу, отлегло,— облегченно вздохнула Клара Петровна.

— По-вашему, слава богу? Пареньку семнадцати нет, а он под мухой в школу явится. Его же исключить могут!

— Алик не учится. Уже третий месяц он работает на заводе,— призналась соседка.

— Тогда дело другое,— успокоился я.— Школьнику пить, конечно, не след, а рабочему человеку дозволительно!

г. Ленинград

Владимир КОМОВ

Просчет

Только-только ходячие больные уселись за стол и принялись обедать, как в комнату вошел зав. отделением — молодой врач, похожий на волейболиста-разрядника, и торжественно произнес:

— Уважаемые пациенты, мне хочется обратиться к вам с краткой речью-уведомлением...

Больные положили вилки, ложки и повернули головы в его сторону: их заинтересовал необычный тон оратора. Сдавалось, что он сообщит сейчас о каком-то эпохальном медицинском открытии или о том, что все ранее установленные диагнозы и произведенные анализы не подтвердились и обитатели палат могут немедленно разъехаться по домам...

— Как известно,— продолжал молодой человек,— врачи тоже хворают.

— Само собой,— подтвердил щупловатый старичок и взъерошил рыжий бобрик.— Они, конечно, тоже люди...

— Именно,— одобрительно промолвил врач.— Так вот, к нам прибыл на лечение главный терапевт области, кандидат наук Михаил Климович.

— А что у него?

— Не в этом суть... Просьба к вам, уважаемые товарищи, не беспокоить областного специалиста вопросами, не обращаться к нему за консультациями, не рассказывать об истории ваших болезней, о самочувствии, эффективности новых препаратов и так далее.

— Учтем,— бросил сосед рыжего старичка и принялся вылавливать в компоте вишневые ягоды.

Зав. отделением пожелал подопечным доброго аппетита, быстрейшего выздоровления и направился в палату, где разместили главного терапевта... Он тихо приоткрыл двери и тут же отпрянул: у постели Михаила Климовича, как за семейным столом, кучно сидело несколько неходячих больных. И у каждого в руках — пачка рецептов, анализов, рентгеновских снимков.

Зав. отделением прикрыл дверь и побрел в свой кабинетик. «Просчитался... Ходячих предупредил, а вот запас энергии лежачих недооценил. Как же теперь Михаилу Климовичу в глаза смотреть? Он так горячо просил обеспечить ему инкогнито...»

От невеселого раздумья молодого специалиста оторвало резвое шарканье: из столовой напрямик в палату главного терапевта прошмыгнули старичок с рыжим бобриком и его сосед...

г. Воронеж

Михаил КОКШЕНОВ

Рекорд

Решил один штангист побить рекорд.

Целый год готовился к рекорду, пока соревнования не подошли. Начались соревнования, вышел он на помост, взвалил рекордный вес на грудь и выжал его без сучка, без задоринки.

Весь зал так и ахнул, заревел весь зал от восторга.

А он поднял штангу и не опускает. Ему кричат:

— Вес взят, можешь опустить...

А он держит.

Ему кричат:

— Ты что, опускай, засчитали!

А он держит.

Товарищи к нему подошли.

— Вась, опускай, ведь ты рекорд побил.

А он отвечает:

— Побить-то побил, да еще удержать хочу.

И стоит. Час стоит, два стоит, уже соревнования кончились, народ домой разошелся, а он все стоит и стоит.

День стоит, два стоит. Жена ему обедать носит, с ложки его кормит, а он все стоит — рекорд держит.

А тем временем в другом зале его рекорд побили, а он все стоял и держал бывший рекорд. И было ему невдомек, что, стоя на месте, рекорд удержать нельзя.

г. Москва

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«СПРАВКА

Выдана тов. Знатдинову Назиму в том, что он действительно работал в тресте Качканаррудстрой, стройуправлении 7 в качестве плотника с 7 февраля 1968 г. по 10 февраля 1969 г.

Уволен за отличное поведение и добросовестное отношение к работе.

Инспектор отдела кадров (подпись)».

Прислал А. Смирнов.
г. Москва

«Мясо молодежное» — 91 коп.

(Из меню кафе «Юность»)
Прислал Н. Фоменко.
г. Фрунзе.

«...И в дальнейшем мы будем показывать не только людей, расхищающих народное добро, но также и стоящих в стороне от этого дела».

(Из телепередачи)
Записал А. Бученков
г. Пенза.

«23 января, уходя на семинар, я предупредил т. Литвиненко чтобы он не философствовал и не пил, и все же он на дежурстве выпил.

(Из докладной)
Выписал И. Хомяков.
г. Ставрополь.

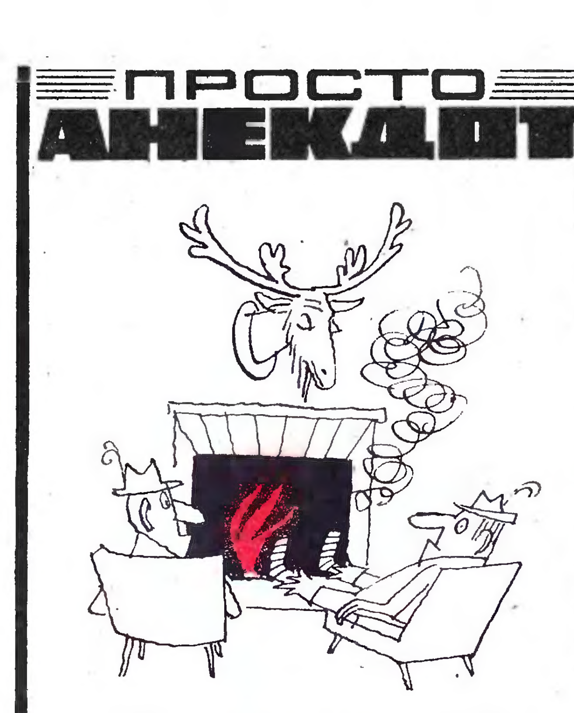
«Мастерская производит замену каблуков на летнюю обувь».

Газета «Рабочий Кронштадт»

«Граждане! Будьте внимательны к отопительным приборам, производите чистку дымоходов не реже одного раза в два месяца, следите за исправностью отопительных печей, а главное не допускайте подогрева животных и птиц электронагревательными приборами».

Газета «Вперед»
г. Козельск.

ПРОСТО АНЕКДОТ

Два джентльмена после охоты сидят у камина, вытянув ноги к огню, и молчат. Наконец один говорит:
— Сэр, если не ошибаюсь, ваши носки начинают гореть.
— Носки? — пожимает плечами второй.— Вы, вероятно, хотите сказать — сапоги?
— Нет, сэр, сапоги уже давно сгорели.

●

— Я устроила мужу такую взбучку за пьянство, что он три дня со мной не разговаривал. Но вчера он, слава богу, наконец заговорил.
— Что же он сказал?
— Он спросил: «Где штопор?»

●

Учитель спрашивает ученика:
— Ты умеешь считать?
— Да. Один, два, три, четыре...
— Дальше.
— Пять, шесть, семь, восемь...
— Дальше.
— Девять, десять, валет, дама, король.

●

Мать говорит семилетнему сыну:
— Ангел принес тебе маленького братика. Хочешь его посмотреть?
— Нет, я хочу посмотреть ангела.

●

Фармацевт во всю прыть бежит по улице вслед за покупателем. Догнав, говорит:
— Прошу прощения! Вы просили аспирин, а я по ошибке дал вам мышьяк!..
— Ну и что?
— Мышьяк на три марки дороже...

●

Чикагский миллионер отдал сына в самую лучшую школу. Через несколько дней учитель говорит мальчику:
— Джим, ты ошибся в задаче. В ответе у тебя на три доллара меньше, чем нужно.
Тогда ученик вынимает из кармана 5 долларов и с улыбкой отдает их учителю:
— Вот вам пять долларов. Сдачи не надо.

●

В небольшом местечке пожарных ночью вызвали на пожар. Улица, на которой горел дом, была плохо освещена, и один из пожарных обратился к брандмайору:
— Никак не удается присоединить шланги: темно.
— Обождите, пока пожар разгорится поярче.

●

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ОТЛИЧИЛИСЬ...

Сначала в Пригородной передвижной механизированной колонне треста «Актюбоблсельстрой» загремели литавры. Потом началась раздача денежных премий. А спустя некоторое время после этого торжества в редакцию поступило письмо читателя Б. Золотова. Автор сообщал, что передвижная мехколонна выдвинулась в число передовых благодаря успехам, достигнутым в приписках и очковтирательстве.

Редакция попросила Актюбинский обком партии проверить сигнал читателя.

Факты, изложенные в письме, подтвердились.

За мнимые успехи начальнику колонны Н. Михалькову и главному инженеру Р. Кадырову объявлены строгие выговоры с занесением в партийные учетные карточки. Р. Кадыров с работы снят. Записан выговор и в учетную карточку начальника производственно-технического отдела А. Эстерлейн. С виновных взыскивается незаконно полученная премия. Приняты меры к усилению контроля за работой передвижных механизированных колонн.

КАРАМЕЛЬ ШАРИКОВАЯ

Больше такой карамели не будет. А была она с шариковой начинкой, а шарик был... от подшипника. И попалась конфетка на зубок нашему читателю В. Г. Салиеву, а он, конечно, рассердился.

«Крокодил» в № 32 за прошлый год разделил чувства В. Г. Салиева. А потом на Орджоникидзевском консервном комбинате тщательно исследовали работу карамельного цеха, добивались уменьшения попадаемости в карамель разных несъедобных штучек.

Администрация комбината приносит В. Г. Салиеву извинения и заверяет, что шариковой карамели больше в продаже не будет. Так что и не ищите.

«ТАЙНАЯ СОВЕТНИЦА»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 31 «Крокодила» за прошлый год.

Как сообщил редакции Дагестанский областной комитет партии, фельетон «Тайная советница» обсуждался на бюро Дербентского горкома КПСС и признан правильным.

«Решением бюро ГК КПСС за порочный стиль руководства производством и грубость в обращении с подчиненными директору завода шлифовальных станков, члену КПСС тов. Асварову А. Г. объявлен строгий выговор»,— говорится в полученном нами письме обкома партии.

Обком КПСС также сообщает, что принято решение укрепить руководство Дербентского завода шлифовальных станков. Директора завода Асварова А. Г. решено от занимаемой должности освободить.

«ЗАПОВЕДНИК НА ПЯТНИЦКОЙ»

На протяжении нескольких лет отчеты треста «Мосотделстрой» № 7 изобиловали приписками. И не однажды его управляющий П. С. Ушань имел за это дисциплинарные и партийные взыскания.

Так, в начале 1968 года за завышение показателей в отчетности, представление неправильных данных по итогам социалистического соревнования и другие нарушения коллегия Главмосстроя объявила тов. Ушаню строгий выговор. А в конце того же года на него было наложено партийное взыскание за неудовлетворительное руководство трестом.

Несмотря на это, тов. Ушань не сделал для себя должных выводов.

Обо всем этом рассказывалось в фельетоне «Заповедник на Пятницкой», опубликованном в № 35 «Крокодила» за 1968 год.

Как нам сообщили из Главмосстроя, факты подтвердились. За плохое руководство, систематические завышения показателей Ушань П. С. освобожден от должности управляющего трестом.

ТАК-ТО БУДЕТ ЛУЧШЕ

Город Липецк захотел видеть на своих школьницах красивые, яркие береты. Заказали их в Щелкове, на фетровой фабрике.

И вот привезли береты. Но не яркие, разных цветов, а все черные, один к одному. И не для девочек, а мальчиковые.

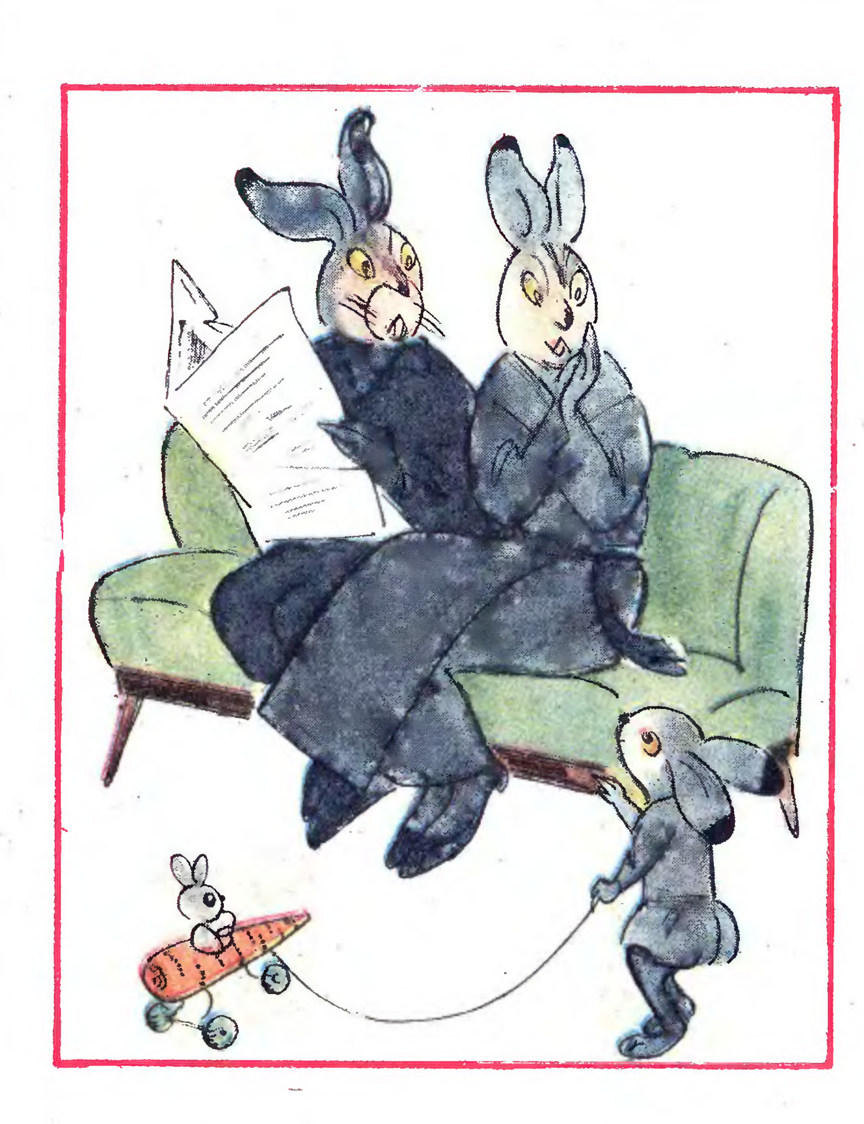
Об этом рассказывала заметка в № 6 «Крокодила».

Директор фабрики Антонова и секретарь партбюро Кабанова известили нас о том, что черные береты фабрика забрала обратно, а взамен выслала то, что и прошено было. И расцветки разные: электрик, алый, морской волны, голубой, серый и василек.

Фабрика обещает впредь обращаться с заказчиками поделикатнее. Будем надеяться.

Михаил БИТНЫЙ

КОЕ-ЧТО О ЗАЙЦАХ

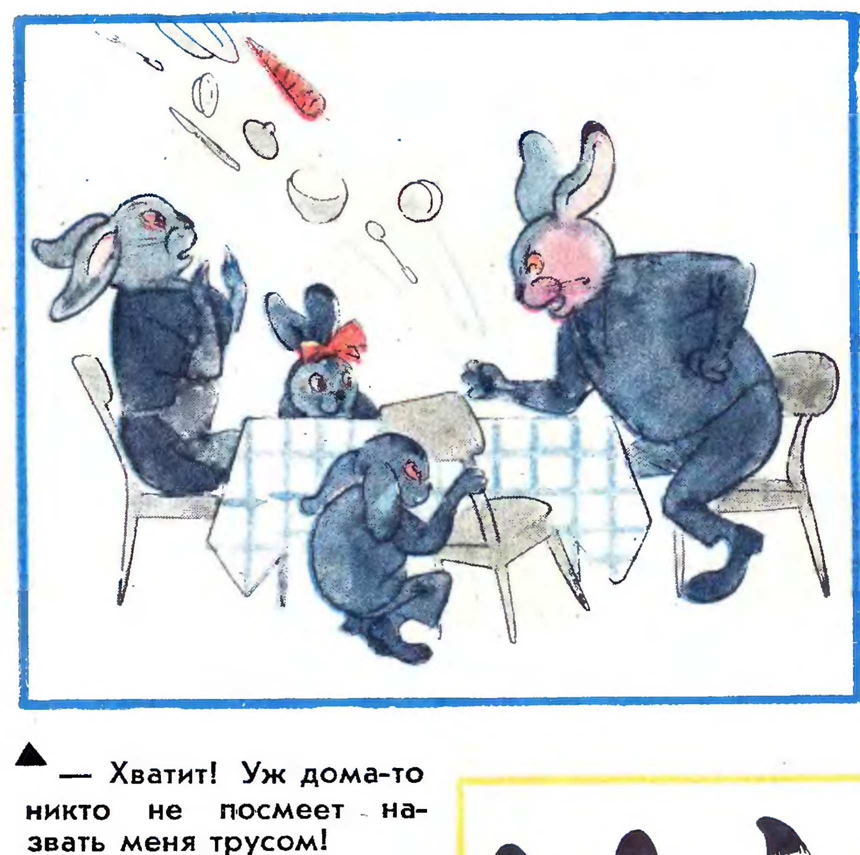
— Так это правда, что вы меня в капусте нашли?

— Как ты ведешь себя, как учишься! Боюсь, кроме шапки, из тебя ничего не выйдет!

Букет любимой...

— Хватит! Уж дома-то никто не посмеет назвать меня трусом!

— Кто говорит, что для шубы опасна моль, а я скажу — дробь!

Юрий БЛАГОВ

Сказочки для больших детей

НЕ УМЕР БЫ ВАВИЛА...

Жил Вавила-Заправила
С кабинетным креслом в дружбе,
Все движенья свел Вавила
К продвижению по службе.
Что такое автотряска,
Позабыл давно Вавила:
Персональная коляска
На ходу его ловила.
В неподвижности Вавила
Стал круглее каравая,
Применял Вавила силу
Только пиво открывая.
К остальному дверь захлопнул
И, заласканный комфортом,
Он жирел, жирел да лопнул...
. . . .
Занимайтесь, дети, спортом!

АХ, КАКОЙ ПАССАЖ!

Перед Леной в этот вечер
Он не падал на колени,
Он, обняв девичьи плечи,
Исповедовался Лене:
— Холостым я жил, родная,
Скучновато, мрачновато,
Но не жаловался, зная,
Что вы явитесь когда-то...
В этом платье вашем тонком
Вы прекрасней всех на свете!..
Тут вошла жена с ребенком...
. . . .
Никогда не лгите, дети!

Борис КОТЛЯРОВ

КАК ПРИБЛИЖАЛАСЬ ВЕСНА

Светлеющий бесснежный день
Еще сквозит зимой...
Но легкомысленна сирень,
Доверчив тополь мой.

Они не смотрят в календарь,
Им поскорей весну подай.
Хотят без проволочки
Раскрыть на ветках почки.

Лист прошлогодний придержав
И на восторги скуп,
Весне еще не верит дуб!
...А может, он и прав.

ВЛИП

— Ну же, ну! — подбадривал Толмачева следователь на Южно-Уральской железной дороге, капитан милиции Сыздыков.— Но только правду! Одну правду!

Однако Толмачев не мог вымолвить ни правды, ни даже кривды. Только мычал: ни губы, ни зубы у него не разжимались.

Между прочим, Толмачев уже дважды входил в лобовое соприкосновение с законом. И каждый раз удалялся из родного села Горбуново на три года. А возвратясь, грустил и томился. Прибредет к железнодорожной насыпи, сядет, обхватит колени руками и молчит. Станционные ребятишки спрашивали:

— Дядя Володя, что так жадно глядишь на дорогу?

Но дядя Володя жадно глядел не на пути. Он жадно следил за пробегавшими вагонами-ледниками. И думу думал. И фантазировал: «Вот бы в такой вагон забраться. Вот бы уж отоварился».

Однажды вечером он вместе с родными и знакомыми сидел дома и употреблял спиртное. Наупотреблявшись, родные затянули знакомую «Зовут, зовут пути-дороги...». И тут Толмачев оглядел простенькую закуску на столе и пошел. Прямиком к ледникам.

Сорвал пломбу, отпихнул дверь, влез. И ахнул: «Икра! Кетовая!» Сквозь щели ящиков призывно блестели банки с яркими этикетками. Успел выбросить пять ящиков: застучали колеса. Перетаскивать помогли приятели Султанов и Ануфриев: 150 килограммов — не шутка!

Помощник машиниста встречного поезда Акимов заметил подозрительную фигуру, и вскоре по свежему следу пошла милиция.

— Вот это харчи! — ликовал тем временем Толмачев, открывая банку.

Запустил пятерню — и в рот. А зубы завязли. Ни прожевать, ни выругаться. Полный рот какой-то гадости.

Юристы называют это ошибкой в объекте. Думал Толмачев икру хапнуть, а оказалось — синтетическая смола.

Вот и влип. Теперь уж на пять лет.

В. ВИНОГРАДОВ

КРОКОДИЛ

№ 10 (1912)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, С. Кузьмин, Н. Лисогорский, Ю. Степанов, В. Тильман, Е. Шабельник.

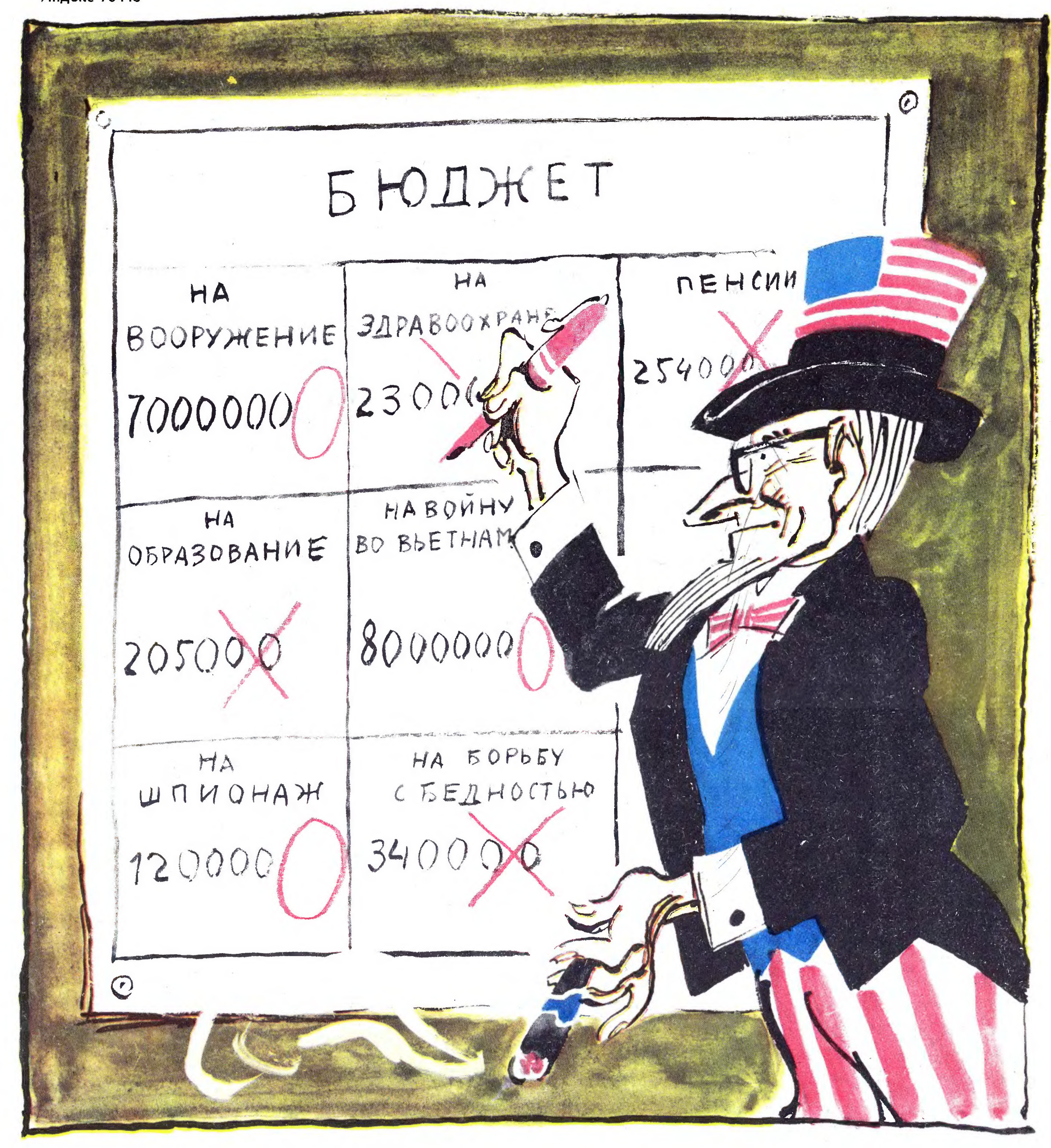

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00057.
Подписано к печати 28/III 1969 г.
Формат бумаги 70×108⅛.
Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз. (1 завод:1-4 445 900).
Изд. № 378.
Заказ № 893.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

АМЕРИКАНСКИЕ «КРЕСТИКИ-НОЛИКИ»

Рисунок
Анатолия ЕЛИСЕЕВА
и Михаила СКОБЕЛЕВА